

Жозеф Бедье

Тристан и Изольда

Жозеф Бедье

Тристан и Изольда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699020

Аннотация

Жозеф Бедье (1864–1938) – выдающийся французский филолог и писатель, специалист по средневековой культуре.

«Тристан и Изольда» – одно из ключевых произведений Бедье, замечательный пересказ знаменитой кельтской легенды, в котором отразилось тонкое литературное дарование автора, его блестящее филологическое чутье и понимание мироощущения Средних веков.

Легенда повествует о любви, нечаянно связавшей тела и души рыцаря Тристана и прекрасной Изольды. Однако влюбленным не суждено быть вместе – Изольда вынуждена стать супругой дяди Тристана, корнуэльского короля Марка. Читатель узнает о верности и о печали разлуки, о ревности и коварстве, которое лишило влюбленных счастья и заставило их умереть в один день.

Содержание

Глава I. Детские годы Тристана	4
Глава II. Морольд Ирландский	14
Глава III. Поиски златовласой красавицы	22
Глава IV. Любовное зелье	36
Глава V. Бранжьена отдана рабам	41
Глава VI. Большая сосна	47
Глава VII. Карлик Фросин	59
Глава VIII. Прыжок из часовни	65
Глава IX. Лес Моруа	75
Глава X. Отшельник Огрин	87
Глава XI. Опасный Брод	93
Глава XII. Суд раскаленным железом	101
Глава XIII. Трели соловья	108
Глава XIV. Волшебная погремушка	115
Глава XV. Белорукая Изольда	119
Глава XVI. Каэрдин	129
Глава XVII. Динас из Лидана	136
Глава XVIII. Тристан-юродивый	145
Глава XIX. Смерть	159

Жозеф Бедье

Тристан и Изольда

Глава I. Детские годы Тристана

Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день – он из-за нее, она из-за него.

В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Проведав, что его враги на него ополчились, Ривален, король Лоонуа, переправился через море ему на помощь. Служил он ему и мечом, и советом, как то сделал бы вассал, и служил столь верно, что Марк наградил его рукою сестры своей, красавицы Бланшефлер, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Он сочетался с нею браком в церкви Тинтагеля. Но едва успел он жениться, как до него дошли вести, что его старинный враг герцог Морган, обрушившись на Лоонуа, разоряет его земли, опустошает нивы и города.

Наскоро снарядил Ривален корабли и повез Бланшефлер, беременную, в свою дальнюю страну. Пристав у своего замка Канозль, он оставил королеву на попечение маршалу своему

Роальду, которому за его верность дали славное прозвище: Роальд Твердое Слово. Затем, собрав баронов, он отправился на войну.

Долго ждала его Бланшефлер. Увы, ему не суждено было возвратиться! Однажды она узнала, что герцог Морган вероломно убил его. Она не оплакивала его: ни стонов, ни сетований. Но ее члены сделались слабыми и безжизненными; душа ее страстно пожелала вырваться из тела. Роальд старался ее успокоить.

– Государыня! – говорил он. – Прикоплять горе к горю нет выгоды. Разве всем родившимся не предстоит умереть? Пусть же Господь примет умерших, и да сохранит Он живых!..

Но она не хотела его слушать. Три дня ждала она свидания с милым супругом; на четвертый родила сына и, взяв его на руки, сказала:

– Сын мой, давно желала я увидеть тебя: вижу прекраснейшее создание, какое когда-либо породила женщина. В печали родила я, печален первый мой тебе привет, и ради тебя мне грустно умирать. И так как ты явился на свет от печали, Тристан и будет тебе имя ¹.

Так сказав, она поцеловала его и, как поцеловала, скончалась. Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Уже воины герцога Моргана окружили замок Канозель. Как было Роальду долго выдержать войну? Правду говорят: «Отчаян-

¹ Имя Тристана созвучно с французским triste – печальный.

ность – не храбрость». Пришлось ему сдаться герцогу Моргану. Но из боязни, чтобы Морган не умертвил сына Ривалена, маршал выдал его за собственного ребенка и воспитал со своими сыновьями.

Спустя семь лет, когда наступило время взять мальчика из рук женщин, Роальд вверил его мудрому наставнику, славному конюшему Горвеналу. Скоро обучил его Горвенал искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, бросать каменные диски, перескакивать одним прыжком широчайшие рвы; научил его ненавидеть всякую ложь, всякое вероломство, помогать слабым, держать данное слово; обучил всякого рода пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом среди юных оруженосцев, казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Глядя на него, столь прекрасного, мужественного, широкоплечего, тонкого в талии, сильного, верного и храброго, все славили Роальда, что у него такой сын. А Роальд, памятуя о Ривалене и Бланшефлер, юность и прелесть которых оживала перед ним, любил Тристана, как сына, и втайне чтил его, как своего повелителя.

Случилось так, что вся его радость окончилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его, как славную добычу. Пока они плыли к неведомым странам, Тристан метался, как молодой волк, попавший в капкан. Но известно по опыту, – и все моряки хорошо это

знают, — что море неохотно носит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. Гневное поднялось оно, объяло корабль мраком и гнало его восемь дней и восемь ночей куда попало.

Наконец, моряки увидели сквозь туман берег, изрезанный утесами и подводными рифами, о которые должно было разбиться их судно. Они покаялись, поняв, что море разгневалось на них из-за этого ребенка, похищенного ими в недобрый час. Они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо; в то время как корабль норвежцев исчезал вдаль, успокоенные и смеющиеся воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

С большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за холмистой и пустынной степью простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде, своем отце, и о земле Лоонуа, как вдруг далекий звук охотничьего рога и оклики развеселили его сердце.

На опушке леса показался прекрасный олень. Свора собак и охотники неслись по его следам, голося и трубя. Но когда несколько ищеек повисло на загривке зверя, он пал в нескольких шагах от Тристана на задние ноги при последнем издыхании, и один из охотников ударил его копьем. Между тем как, собравшись в кружок, они трубили об удаче, Тристан с удивлением увидел, как старший охотник полоснул оленя по горлу, словно собираясь его перерезать.

– Что делаете вы, господин мой? – воскликнул он. – Пристало ли свежевать столь благородное животное, как свежую заколотую свинью? Разве таков обычай этой страны?

– Друг мой, – ответил охотник, – что сделал я такое, что могло бы тебя удивить? Да, я отниму сначала голову оленя, потом рассеку тушу на четыре части, которые мы и отвезем, привязав к луке наших седел, королю Марку, нашему повелителю. Так поступаем мы; так поступали жители Корнуэльса со времен древнейших охотников. Если, однако, тебе знаком более достойный обычай, покажи нам его: вот тебе нож, друг мой, мы охотно у тебя поучимся.

Встав на колени, Тристан содрал с оленя шкуру, прежде чем разнять его; затем разнял, как подобало, не трогая крестца, отобрал потроха, морду, язык, ядра и сердечную жилу.

И охотники, и доезжачие, склонившись над ним, смотрели и любовались.

– Друг! – сказал главный охотник. – Обычай этот прекрасен. В какой стране научился ты ему? Скажи нам, откуда ты родом и как тебя звать?

– Господин мой, зовут меня Тристаном, а выучился я этому обычаю в моем отечестве Лоонуа.

– Тристан! – сказал охотник. – Да воздаст Господь отцу, который так достойно воспитал тебя. Он, наверно, барон, богатый и могучий.

Тристан, умевший не только хорошо говорить, но и с толком молчать, ответил ему хитро:

– Нет, господин, отец мой – купец; я же тайно покинул дом на корабле, который отправлялся торговать в дальние страны, ибо хотел узнать, как в чужих землях живут люди. Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду за вами и обучу вас, господин, и другим утехам охоты.

– Дивлюсь я, Тристан, что есть такая страна, где сыновья купцов знают то, чего в других землях не ведают дети рыцарей. Ступай же с нами, если хочешь! Добро пожаловать: мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

Тристан кончил разнимать оленя; он отдал собакам сердце, голову и внутренности и показал охотникам, как выделять долю для собак и подзывать их на рог. Затем, разместив на рогатинах хорошо приготовленные части оленьей туши, поручил их каждому охотнику в отдельности: одному – большой филей, другому – зад, этим – лопатки, тем – задние ноги, этому – оленьи бедра. Он научил их строиться попарно, чтобы ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые торчали на рогатинах.

И вот они отправились в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, живые воды, рыболовные тони и пахотные поля. Множество кораблей заходило в гавань.

Замок возвышался над морем, крепкий и красивый, хорошо защищенный против всякого приступа и осадных орудий; а главная его башня, некогда воздвигнутая великанами, была построена из каменных глыб, огромных и хорошо об-

тесанных, расположенных как зеленые и голубые клетки на шахматной доске.

Тристан спросил, как зовется замок.

– Зовут его Тинтагель.

– Тинтагель? – воскликнул Тристан. – Да будешь ты благословен от Бога, ты и твои хозяева!

Здесь, добрые люди, некогда в великом веселии отец его Ривален сочетался браком с Бланшефлер. Но, увы, Тристан не знал об этом! Когда они подъехали к замковой башне, звуки охотничьих рогов привлекли к воротам баронов и самого короля Марка.

Когда старший охотник рассказал ему о приключившемся. Марк залюбовался прекрасным распорядком поезда, хорошо свежаванным оленем и великим смыслом охотничьего обихода. Но в особенности восхищался он чудным юношей-чужестранцем, и его глаза не могли от него оторваться.

«Откуда у меня эта внезапная нежность?» – спрашивал король свое сердце, а понять не мог. То была его собственная кровь, добрые люди: она-то заходила и заговорила в нем. То была любовь, которую он некогда питал к сестре своей Бланшефлер.

Вечером, когда унесли столы, уэльский жонглер², мастер своего дела, появился среди собравшихся баронов и запел песни под звуки арфы.

Тристан сидел у ног короля. И когда певец сыграл прелю-

² Певец, музыкант, рассказчик.

дию к новой мелодии, он обратился к нему с такой речью:

– Песня эта лучше всех других: когда-то древние бретонцы сложили ее, чтобы прославить любовь Граэлента. Нежен ее мотив, нежны и слова. В пении ты искусен, сыграй ее лучше.

Тот пропел, а потом спросил:

– Дитя мое, что понимаешь ты в искусстве музыки? Если купцы из земли Лоонуа также обучают своих сыновей игре на арфе, роте³ и скрипке, то встань, возьми арфу и покажи свое искусство.

Тристан взял арфу и спел так прекрасно, что бароны, слушая его, умилялись, а Марк восхищался певцом из земли Лоонуа, куда в былое время Ривален увез Бланшефлер. Когда песня кончилась, король долго молчал.

– Сын мой! – сказал он наконец. – Да благословен будет учитель, который обучил тебя, благословен и ты Господом! Господь любит добрых певцов. Их голос и голос арфы проникают в сердца людей, пробуждают в них дорогие воспоминания и заставляют забывать многие печали и многие злодеяния. На радость нам ты вступил в этот дом. Остайся надолго со мной, друг мой.

– Я с удовольствием послужу вам, государь, как ваш певец, охотник и ленник.

Так он и сделал. И в продолжение трех лет взаимная любовь возрастала в их сердцах. Днем Тристан сопровождал

³ Рота – маленькая арфа.

Марка в залу суда или на охоту; а ночью в королевском покое, где он спал вместе с другими ближними и верными людьми, играл на арфе, чтобы утолить горе короля, когда тот бывал печален.

Бароны души в нем не чаяли, особенно сенешал Динас из Лидана, как то покажет вам повесть. Но нежнее баронов и Динаса из Лидана любил его король. Однако, несмотря на их нежность, Тристан был неутешен, что утратил отца своего Роальда, наставника Горвенала и землю Лоонуа.

Добрые люди! Рассказчику, который хочет понравиться, пристало избегать слишком долгих повествований. Предмет этой повести так прекрасен и разнообразен, – к чему же удлиннять рассказ? Вот я и скажу вкратце, как, проблуждав долгое время по морям и странам, Роальд Твердое Слово пристал к Корнуэльсу, нашел Тристана и, показав Марку карбункул, когда-то данный королем Бланшефлер как дорогой брачный подарок, сказал ему:

– Король Марк, этот юноша – Тристан из Лоонуа – ваш племянник, сын вашей сестры Бланшефлер и короля Ривалена! Герцог Морган несправедливо владеет его землей, пора бы вернуться ей к законному наследнику.

Скажу вкратце, что, приняв от своего дяди посвящение в рыцари, Тристан поехал за море на корнуэльских кораблях, заставил боевых вассалов своего отца признать себя, вызвал на бой убийцу Ривалена, убил его и вступил во владение своей землей. Потом он размыслил, что король Марк не может

более быть счастливым без него; и так как благородство сердца всегда указывало ему на самое мудрое решение, он созвал своих графов и баронов и так сказал им:

– Сеньоры Лоонуа! По Божьей милости и при вашей помощи я отвоевал себе эту страну, отомстил за короля Ривалена и воздал моему отцу должное ему. Но два человека, Роальд и король Марк Корнуэльский, поддержали сироту, скитавшегося бедняка, и мне подобает назвать их отцами; не обязан ли я им воздать должное? У именитого человека две собственности: его земля и его тело. И вот Роальду, которого вы здесь видите, я оставляю мою землю. Отец мой, вы будете владеть ею, а ваш сын после вас. Королю же Марку я отдаю свое тело; я покину эту страну, хотя она мне и дорога, и пойду в Корнуэльс служить моему господину Марку. Таково мое решение. Но вы, сеньоры Лоонуа, мои ленники и обязаны мне советом. Итак, если кто из вас хочет внушить мне другое решение, пусть встанет и заговорит.

Все бароны со слезами на глазах похвалили Тристана. А он, взяв с собой одного Горвенала, направился в страну короля Марка.

Глава II. Морольд Ирландский

Когда Тристан туда вернулся. Марк и все его бароны были в глубокой печали, ибо король Ирландии снарядил флот, чтоб опустошить Корнуэльс, если Марк вновь откажется, как то делал в течение пятнадцати лет, платить дань, которую некогда платили его предки.

Да будет вам ведомо, что по старым договорам ирландцы имели право взимать с жителей Корнуэльса в первый год триста фунтов меди, во второй триста фунтов серебра, а в третий – триста фунтов золота; когда же наступал четвертый год, они брали триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. И вот в этот год король послал в Тинтагель со своим требованием исполинского рыцаря Морольда, на сестре которого он был женат и которого никто никогда не мог победить в бою.

Король Марк письмами за своей печатью собрал ко двору всех баронов своей земли, чтобы с ними держать совет. В назначенное время, когда бароны собрались в сводчатую залу дворца и Марк уселся на троне, Морольд повел такую речь:

– Король Марк, услышь в последний раз наказ короля Ирландии, моего повелителя! Он приглашает тебя уплатить, наконец, дань, которую ты ему обязан. А за то, что ты долго в ней ему отказывал, он требует, чтобы ты выдал мне сего-

дня же триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. Корабль мой, стоящий на якоре в гавани Тинтагеля, увезет их, и они станут нашими рабами. Но если кто-либо из твоих баронов (я исключаю лишь тебя, король Марк, как то и подобает) захотел бы доказать единоборством, что король Ирландии взимает эту дань незаконно, я приму его вызов. Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, желает вступить в бой за свободу своей страны?

Исподлобья переглядывались бароны друг с другом, а затем потупляли головы. Один говорил себе: «Погляди, несчастный, каков Морольд Ирландский! Он будет сильнее четырех здоровенных бойцов. Погляди на его меч: разве ты не знаешь, что он заколдован, что он сносил головы смелым рыцарям с тех самых пор, как король Ирландии посылает этого великана с вызовом в подвластные ему земли? УГОДНО ли тебе, бедняге, пойти на смерть? К чему искушать Господа?» Другой думал: «Разве я воспитал вас, милые сыновья, для рабской доли? Вас, милые дочки, для доли распутниц? Но ведь смерть моя не спасла бы вас». И все молчали.

Еще раз сказал Морольд:

– Кто из вас, сеньоры Корнуэльса, хочет принять мой вызов? Я предлагаю ему прекрасный поединок: в три дня от Тинтагеля мы доедем на лодках до острова Святого Самсона. Там ваш рыцарь и я будем биться один на один, и будут честь и слава его роду, что он отважился на бой.

Они продолжали молчать. Морольд походил на кречета, запертого в клетке с маленькими птичками: когда он является, все умолкают.

И в третий раз заговорил Морольд:

– Что же, доблестные сеньоры Корнуэльса, если такая участь кажется вам более достойной, выбирайте ваших детей по жребию: я их увезу. Не думал я, что страна эта населена одними рабами.

Тогда Тристан преклонил колени перед королем Марком и сказал:

– Властитель и государь, если будет на то ваша милость, я выйду на бой.

Тщетно пытался отговорить его король Марк: рыцарь он молодой, к чему послужит его отвага? Но Тристан бросил Морольду рукавицу, и Морольд ее поднял.

В назначенный день Тристан стал на ковре из драгоценной пурпурной ткани и велел вооружить себя для великого подвига. Он обрядился в панцирь и шлем из вороненой стали. Бароны плакали от жалости к храбрецу и со стыда за себя. «О Тристан, – говорили они, – смелый боец, прекрасный юноша! Почему не я, а ты решился на этот бой? От моей смерти было бы всем меньше печали!..»

Звонят в колокола; и все бароны и мелкие люди, старцы, дети и женщины плачут и молятся, провожая Тристана до берега. Они еще надеются: ведь надежда в сердцах людей питается и малым. Тристан сел в лодку один и направился к

острову Святого Самсона. Морольд натянул на мачту своей ладьи роскошный пурпурный парус и первым прибыл на остров. Он привязывал свое судно у берега, когда Тристан, причалив, ногой оттолкнул в море свое.

– Что ты делаешь, вассал? – спросил Морольд. – Почему не привязал свою ладью канатом, как я это сделал?

– К чему это, вассал? – ответил Тристан. – Лишь один из нас возвратится отсюда живым: или мало ему будет одной ладьи?

И оба, возбуждая друг друга бранными словами, направились в глубь острова.

Никто не видел жестокой битвы. Но трижды всем почудилось, будто морской ветер донес до берега яростный крик; и тогда в знак горести женщины били себя в грудь, а сотоварищи Морольда, собравшись в стороне у своих шатров, смеялись. Наконец, около полудня увидели вдали пурпурный парус: ладья ирландца отчалила от острова. И раздался крик ужаса: «Морольд, Мерольд!»

Ладья все приближалась, и внезапно, когда она взлетела на гребень волны, на носу ее увидели рыцаря, в руках которого было два поднятых меча: это был Тристан.

Тотчас двадцать ладей устремилось ему навстречу, а юноши бросились вплавь. Храбрец выскочил на берег; и в то время как матери, стоя на коленях, целовали его железные наколенники, он крикнул сотоварищам Морольда:

– Сеньоры ирландцы, славно сражался Морольд! Смотри-

те, меч мой зазубрен; кусок лезвия засел глубоко в его черепе. Возьмите же, сеньоры, этот кусок стали: то дань Корнуэльса.

Он стал подниматься к Тинтагелю. На его пути освобожденные им юноши с громкими криками махали зелеными ветками, и окна украсились роскошными завесами. Но когда среди радостных песен, под звуки колоколов, труб и рогов, столь громких, что нельзя было бы расслышать и Божьего грома, Тристан добрался до замка, он упал на руки к королю Марку, и кровь потекла из его ран.

В великом унынии вернулись в Ирландию спутники Морольда. Бывало, возвращаясь в гавань Вейзефорд, Морольд радовался, что снова увидит своих людей, которые толпой будут приветствовать его, увидит королеву, сестру свою, и племянницу, белокурую Изольду с волосами цвета золота, чья краса уже сияла, как занимающаяся заря. Они оказывали ему ласковый прием и если он бывал ранен, исцеляли его, ибо им ведомы были мази и настои, которые оживляли раненых, почти уже мертвецов. Но на что теперь эти волшебные снадобья, травы, собранные в урочный час, разные зелья? Он лежал бездыханный, зашитый в оленью шкуру, и обломок вражеского меча еще торчал в его черепе. Белокурая Изольда извлекла его и спрятала в ларец из слоновой кости, драгоценный, как ковчежец для мощей. Я склонившись над огромным трупом, без конца повторяя хвалы усопшему и беспрестанно посылая одно и то же проклятие его убийце,

мать и дочь поочередно руководили погребальным причитанием женщин.

С этого дна белокурая Изольда научилась ненавидеть имя Тристана из Лоонуа.

Между тем в Тинтагеле Тристан хирел: зараженная кровь сочилась из его ран. Врачи поняли, что Морольд вонзил в его тело отравленное копьё; и так как их снадобья и противоядия не могли его спасти, они предоставили его Божьему милосердию. Из его ран исходило такое ужасное зловоние, что самые близкие друзья избегали его – все, исключая короля Марка, Горвенала и Динаса из Лидана. Они одни могли оставаться у его изголовья: их любовь превозмогала отвращение. Наконец, Тристан приказал отнести себя в хижину, построенную в стороне, на берегу, и здесь, лежа у волн, ожидал смерти. Ему думалось: «Итак, ты покинул меня, король Марк, – меня, который спас честь твоей земли? Нет, я знаю, милый мой дядя, что ты отдал бы свою жизнь за мою; но чему помогла бы твоя любовь? Приходится умирать! Но как сладко все же видеть солнце; да и сердце мое еще не утратило мужества. Хочу вверить себя морю и его случайностям. Я желал бы, чтоб оно унесло меня одного далеко. К какой земле? Не знаю. Но там, быть может, я найду того, кто меня исцелит. И, может быть, я еще послужу тебе когда-нибудь, славный мой дядя, как арфист, как охотник и твой верный вассал».

Он так молил короля Марка, что тот склонился к его

просьбе. Он сам отнес его в ладью без весел и паруса; по желанию Тристана с ним положили одну лишь его арфу. К чему паруса, когда его руки не могли бы их распустишь? К чему весла, к чему меч? И как моряк во время долгого плавания бросает за борт труп старого товарища, так и Горвенал дрожащими руками оттолкнул в море ладью, в которой лежал милый его сын, и море ее унесло.

Семь дней и семь ночей оно тихо несло Тристана. Порой он играл на арфе, чтобы утолить свою муку. Наконец море, незаметно для него, пригнало его к берегу. Как раз в эту ночь рыбаки выехали из гавани, чтобы закинуть в море сети, и плыли на веслах. Вдруг они услышали нежную мелодию, смелую и живую, скользившую по поверхности вод. Недвижимые, подняв весла над головой, они прислушивались. При первом свете зари они заметили блуждавшую ладью. Они говорили друг другу: «Так оведала неземная музыка ладью Святого Брендана ⁴, когда он плыл к Счастливым островам по морю, которое было белее молока». Они принялись грести, чтобы догнать ладью; а она шла наугад, и, казалось, ничего в ней не было живого, кроме голоса арфы. Но по мере того, как они приближались, мелодия затихала и, наконец, умолкла; когда они подъехали, руки Тристана упали неподвижно на еще дрожащие струны. Рыбаки подобрали его и

⁴ Св. Брендан – аббат, основал много монастырей в Англии. Согласно легенде, уплыл на райские (счастливые) острова. Легенды о Св. Брендане впитали в себя кельтские предания о плавании Брана на Острова Блаженства.

вернулись в гавань, чтобы поручить раненого своей милосердной госпоже в надежде, что она, может быть, сумеет его излечить.

Увы, гавань эта была Вейзефорд, где покоился прах Морольда, а госпожа их была белокурая Изольда! Она одна, сведущая в целебных зельях, могла спасти Тристана, но из всех женщин она одна желала его смерти.

Когда, оживленный ее знахарством, Тристан пришел в себя, он понял, что волны выбросили его на землю, исполненную для него опасностей; но, достаточно смелый, чтобы защитить свою жизнь, он быстро сумел найти красноречивые и хитрые слова. Он рассказал, будто он жонглер, который сел на торговый корабль и направился в Испанию, чтобы научиться искусству читать по звездам; морские разбойники напали на его корабль; раненный, он спасся на лодке. Ему поверили. Никто из сотоварищей Морольда не признал в нем прекрасного рыцаря острова Святого Самсона: так ужасно исказились от яда его черты. Но когда спустя сорок дней златовласая Изольда его почти уже излечила, когда в его теле, снова сделавшемся гибким, начала возрождаться прелесть юности, он понял, что ему надо удалиться. Он бежал и после многих опасностей однажды снова предстал перед королем Марком.

Глава III. Поиски златовласой красавицы

При дворе короля Марка, добрые люди, были четыре барона, вероломнейшие из всех людей; они ненавидели Тристана жестокой ненавистью за его доблесть и за нежную любовь, которую питал к нему король. Я могу назвать их вам по именам: Андрет, Генедон, Гондоин и Деноален; из них герцог Андрет приходился королю Марку племянником, как и Тристан. Зная, что король намеревался умереть бездетным, чтобы завешать свою землю Тристану, они распалились завистью и стали наветами возбуждать против Тристана баронов Корнуэльса.

– Сколько чудесного в его жизни! – говорили эти предатели. – Но вы, сеньоры, как люди умные, сумеете, без сомнения, объяснить себе это. Одно то, что он победил Морольда, уже великое чудо. Но каким волшебством мог он один, полумертвый, проплыть по морю? Кто из вас, сеньоры, сумел бы управиться с судном без весел и парусов? Колдуны, говорят, это могут. Далее, в какой волшебной стране мог он найти лекарство от своих ран? Конечно, сам он колдун. Да и ладья его была заговорена, так же как его меч и арфа, которая что ни день вливает яд в сердце короля Марка. Как сумел он покорить это сердце мощью и обаянием волшебства! Он станет

королем, сеньоры, и вы получите ваши земли от колдуна.

Они убедили в этом большинство баронов: ведь многие не знают, что вещи, совершаемые силою волшебства, может совершить и сердце силой любви и доблести. Поэтому бароны стали требовать от короля Марка, чтобы он взял себе в жены какую-нибудь принцессу, которая дала бы ему наследников; они грозили, что если он станет отказываться, они удалятся в свои крепкие замки, чтобы вести с ним войну. Король противился и в сердце своем клялся, что, пока жив его дорогой племянник, ни одна королевская дочь не взойдет на его ложе. Но тогда сам Тристан, которому крайне обидно было подозрение в корыстной любви к дяде, стал ему угрожать: пусть король подчинится воле своих баронов, иначе и он покинет его двор и перейдет на службу к славному королю Гавау. Тогда Марк назначил своим баронам срок: через сорок дней он объявит им свое решение.

В назначенный день, один в своем покое, он ожидал их прихода и думал с грустью: «Где бы мне найти королевскую дочь, столь далекую и недоступную, чтобы я мог притвориться, – но только притвориться, – будто желаю ее себе в жены?»

В этот миг в открытое на море окно влетели две ласточки, строившие себе гнездо, и стали биться друг с другом; потом, внезапно испугавшись, они улетели, но одна из своего клюва выронила длинный женский волос тоньше шелка, сиявший, как солнечный луч. Подняв его, Марк позвал баронов и Тристана и сказал им:

– Чтобы угодить вам, сеньоры, я возьму себе жену, если только вы разыщете ту, которую я избрал.

– Разумеется, мы готовы, дорогой наш государь. Но кто же та, на которой вы остановили свой выбор?

– Я выбрал ту, которой принадлежит этот золотой волос, и знайте, что никакой другой я не желаю.

– А откуда у вас, дорогой наш государь, этот золотой волос? Кто вам его принес? Из какой страны?

– Он у меня от златовласой красавицы. Две ласточки мне его принесли: они знают, из какой страны.

Бароны поняли, что они осмеяны и обмануты. С досадой взглянули они на Тристана, ибо подозревали, что он посоветовал эту уловку. Но Тристан, разглядев золотой волос, вспомнил о белокурой Изольде. Он улыбнулся и сказал:

– Король Марк, неправильно ты поступаешь. Разве не видишь, что подозрения этих сеньоров меня позорят? Но тщетно придумал ты эту насмешку: я отправлюсь на поиски златовласой красавицы. Знай, что поиски эти опасны и что мне труднее будет возвратиться из ее страны, чем с острова, на котором я убил Морольда; но я хочу снова подвергнуть случайностям мое тело и жизнь ради тебя, мой славный дядя. А для того, чтобы твои бароны знали, что я люблю тебя бескорыстной любовью, я клянусь честью: либо я умру в этом деле, либо привезу в замок Тинтагель златовласую королеву.

Он оснастил доброе судно, нагрузил его пшеницей, вином, медом и другими припасами, посадил на него, кроме

Горвенала, сто юных рыцарей знатного рода, выбранных из самых храбрых, и одел их в платье из грубой шерсти, в плащи из простого камлота, чтобы они походили на купцов; но под палубой корабля они спрятали богатые одеяния из золотой парчи, шелка и пурпура, какие приличествуют послам могучего государя. Когда судно вышло в открытое море, кормчий спросил:

– Дорогой господин мой, куда держать нам путь?

– Друг, держи путь в Ирландию, прямо в гавань Бейзефорд.

Содрогнулся кормчий. Не знал разве Тристан, что после смерти Морольда король Ирландии охотился за корнуэльскими судами, а пойманных моряков вешал на рогатинах? Тем не менее кормчий послушался и доплыл до опасной страны.

Тристан начал с того, что уверил жителей Вейзефорда, будто его спутники – купцы из Англии, приехавшие сюда для мирной торговли. Но так как эти странного вида купцы проводили день в благородных играх в тавлеи⁵ и шахматы и, казалось, лучше умели справляться с игральными костями, чем отвешивать пшеницу, то Тристан побоялся быть признанным и не знал, как приняться за поиски. Однажды утром он услышал голос, такой страшный, что можно было принять его за крик злого духа. Никогда не слышал он зверя, который ревел бы так ужасно и диковинно. Он подозвал женщи-

⁵ Тавлеи игра вроде шашек.

ну, проходившую в гавани:

– Скажи мне, красавица, чей это голос, который я слышал? Не скрой от меня.

– Разумеется, господин мой, скажу вам без обмана. Это голос зверя, самого страшного и гнусного, какой только существует на белом свете. Каждый день он выходит из своей пещеры и становится у городских ворот. Никто не может ни войти, ни выйти, пока не выдадут дракону девушку; схватив в свои когти, он пожирает ее быстрее, чем человек успеваает прочесть «Отче наш».

– Не смейся надо мной, – молвил Тристан, – а скажи: в состоянии ли человек, рожденный от матери, убить его в поединке?

– Доподлинно не знаю, дорогой господин. Но верно то, что двадцать испытанных рыцарей брались за этот подвиг, ибо король Ирландии оповестил через глашатая, что выдаст дочь свою, белокурую Изольду, за того, кто убьет чудовище; но чудовище всех их пожрало.

Расставшись с женщиной и вернувшись к судну, Тристан тайно вооружился. Любо было бы посмотреть, какой славный боевой конь вышел из купеческого корабля, какой могучий рыцарь на нем выехал! Но в гавани было пустынно: заря только что занялась, и никто не увидел храбреца вплоть до самых ворот, на которые указала ему женщина. Внезапно по дороге проскакали пять человек; прищпорив коней и бросив поводья, они мчались по городу. Тристан схватил од-

ного из них за его рыжие заплетенные волосы, да так крепко, что опрокинул его на круп лошади и задержал:

– Да хранит вас Господь, сеньор! – сказал он ему. – По какой дороге идет дракон?

И когда беглец указал, Тристан отпустил его.

Чудовище приближалось. Голова у него была медвежья, глаза красные, как пылающие уголья, на лбу два рога, уши длинные и мохнатые, когти как у льва, хвост змеиный, тело чешуйчатого грифа.

Тристан пустил на него коня с такой силой, что, хотя и щетинясь от ужаса, тот прыгнул на чудовище. Копье Тристана, коснувшись чешуи, разбилось вдребезги. Тогда храбрец обнажил меч, занес его и ударил дракона по голове, но не оцарапал даже его шкуры; однако чудовище почувствовало удар: оно выпустило когти, вонзило их в щит и оборвало его застежки. С незащищенной грудью Тристан еще раз бросился на дракона с мечом и нанес в бок столь сильный удар, что он прозвенел в воздухе. Тщетно: ранить дракона он не может, а тот извергает из ноздрей потоки ядовитого пламени. Панцирь Тристана почернел, как потухший уголь; конь его пал. Быстро вскочив на ноги, Тристан вонзил свой добрый меч в пасть чудовища. Он проник в него весь и рассек пополам сердце. В последний раз испустил дракон свой ужасный крик – и издох.

Тристан отрезал у него язык и спрятал в карман; затем, шатаясь от едкого дыма, он пошел напиться к стоячей во-

де, которая поблескивала невдалеке. Но яд, сочившийся из языка дракона, нагрелся от его тела и отравил его: в высокой траве, которая окаймляла болото, храбрец упал без признаков жизни.

Надо вам сказать, что беглец с рыжими заплетенными волосами был Агингерран Рыжий, сенешал короля Ирландии, и что он домогался руки белокурой Изольды. Он был трус. Но таково могущество любви, что каждое утро он садился, вооруженный, в засаду, чтобы напасть на чудовище; однако, еще издали заслышав его рев, смельчак этот обращался в бегство. В тот день в сопровождении своих четырех товарищей он осмелился вернуться и, увидев сраженного дракона, павшего коня и разбитый щит, рассудил, что победитель где-нибудь испускает дух. Тогда он отсек голову чудовища, отнес ее к королю и потребовал обещанную прекрасную награду. Король не поверил его храбрости, но, желая поступить с ним по закону, пригласил своих вассалов явиться ко двору через три дня: перед собравшимися баронами сенешал Агингерран должен был представить доказательства своей победы.

Когда белокурая Изольда узнала, что ее хотят выдать замуж за этого труса, она вначале долго смеялась, потом загрустила, но на следующий же день, подозревая подлог, она взяла с собой своего слугу, верного белокурого Периниса, и юную служанку, свою подругу Бранжьену, и все направились тайком к логовищу чудовища. На дороге Изольда заметила следы подков странного очертания: наверно, конь, ко-

торый здесь проскакал, не был подкован в ее стране. Потом она нашла обезглавленное чудовище и павшего коня; он был взнуздан не по ирландскому обычаю. Конечно, убил дракона приезжий человек, но жив ли он еще?

Изольда, Перинис и Бранжьена долго искали его; наконец среди болотных трав Бранжьена увидела блестящий шлем храбрела. Он еще дышал. Перинис взял его на своего коня и тайно отвез в женские покои. Там Изольда рассказала обо всем своей матери и поручила ей приехать. Когда королева снимала с него доспехи, ядовитый язык дракона выпал из его кармана. Приведя рыцаря в чувство с помощью какого-то зелья, ирландская королева сказала ему:

– Я доподлинно знаю, чужеземец, что ты убил чудовище; а наш сенешал, вероломный трус, отрубил у него голову и требует в награду дочь мою, белокурую Изольду. Сумеешь ли ты через два дня доказать поединком, что право не на его стороне?

– Королева, – сказал Тристан, – срок очень короток; но вы, без сомнения, сумеете меня вылечить в два дня. Я добыл Изольду, убив дракона, может быть, снова добуду ее, победив сенешала.

Тогда королева, окружив его заботливым уходом, принялась варить для него сильнодействующие настои. На следующий день белокурая Изольда приготовила ему купанье и нежно растерла его тело мазью, приготовленной матерью. Ее глаза остановились на лице раненого. Она увидела, что он

красив, и задумалась: «Если его храбрость равна его красоте, мой боец, наверно, будет славно драться!» А Тристан, подкрепленный теплотою воды и силою благовоний, смотрел на нее и при мысли, что он завоевал златовласую королеву, усмехнулся. Изольда заметила это и подумала: «Почему усмехнулся этот чужеземец? Не сделала ли я что-нибудь такое, чего не подобало? Не пренебрегла ли какой-нибудь услугой, какую должна оказывать девушка своему гостю? Да! Он, должно быть, усмехнулся потому, что я не вычистила его доспехов, потускневших от яда».

И она пошла туда, где были сложены доспехи Тристана. «Вот шлем из доброй стали, – подумала она, он не изменит ему в трудный час! И панцирь крепок, легкий, вполне достоин, чтобы его носил мужественный боец». Она взяла меч за рукоять: «Вот добрый меч под стать храброму барону!» Она вынула из драгоценных ножен окровавленный клинок, чтобы обтереть его. Видит, он сильно зазубрен. Смотрит на форму зазубрин... Уж не этот ли клинок поломался о череп Морольда? Она колеблется, смотрит еще раз, хочет проверить свои подозрения; бежит в комнату, где хранила осколок стали, некогда извлеченный из черепа Морольда; прикладывает осколок к зазубрине: еле виден след полома.

Тогда она бросилась к Тристану и, занеся над его головой огромный меч, вскричала:

– Ты – Тристан из Лоонуа, убийца Морольда, милого моего дяди! Умри же!

Тристан сделал усилие, чтобы удержать ее руку, но тщетно: тело его было разбито. Однако ум сохранил свою живость, и он сказал находчиво:

– Хорошо, я умру, но выслушай меня, чтоб не пришлось тебе потом долго каяться. Знай, принцесса, что ты не только властна убить меня, но у тебя на то есть и право. Да, ты имеешь право на мою жизнь, так как ты мне дважды ее сохранила и возвратила. В первый раз это было давно: я – тот раненый жонглер, которого ты спасла, выгнав из его тела яд, которым копьё Морольда его отравило. Не красней, девушка, что ты излечила эти раны: разве не получил я их в честном бою? Разве я вероломно убил Морольда? Разве не он меня вызвал и я не должен был защищать себя? Во второй раз ты меня спасла, когда разыскала возле болота. Ведь ради тебя, девушка, я сразился с драконом. Но оставим все это; я хотел только доказать тебе, что, спасши меня дважды от смерти, ты приобрела право на мою жизнь. убей же меня, если думаешь снискать себе этим похвалу и славу. Без сомнения, когда ты будешь в объятиях храброго сенешала, тебе сладко будет вспомнить о твоём раненом госте, который подвергнул свою жизнь опасности, чтобы добыть тебя, и добыл, а ты убила его, беззащитного, во время купанья.

– Странные речи я слышу! – воскликнула Изольда. – Почему же убийце Морольда понадобилось добывать меня? Потому, без сомненья, что как некогда Морольд хотел увезти на корабле корнуэльских девушек, так и ты, в виде отмщения,

похвастался тем, что сделаешь рабыней ту, которую изо всех девушек Морольд любил больше всего...

– Нет, принцесса, – ответил Тристан. – Но однажды две ласточки, прилетев в Тинтагель, занесли туда твой золотой волос. Думал я, что они явились возвестить мне мир и любовь. Вот почему я и поехал искать тебя за море, вот почему не побоялся чудовища и его яда. Взгляни на этот волос, зашитый в золотые нити моего блио⁶: цвет золотых нитей исчез, но золото волоса не потускнело.

Изольда отбросила меч и взяла в руки блио Тристана. Она увидела в нем золотой волос и долго молчала, потом поцеловала в уста своего гостя в знак мира и одела его в богатые одежды.

Когда бароны собрались, Тристан тайно отправил к своему кораблю Першшса, слугу Изольды, передать своим спутникам, чтобы они шли ко двору, разодетые, как подобает посланным могучего короля, ибо он надеялся в этот же день довершить начатое.

Горвенал и сто рыцарей, уже четыре дня печалившиеся об исчезновении Тристана, обрадовались вести. Они вошли поодиночке в залу, где великое множество ирландских баронов уже собралось, уселись вместе в один ряд, и драгоценные камни переливались на их богатых одеждах из шелка и пурпура. Говорят промеж себя ирландцы: «Кто эти великолеп-

⁶ Блио – одежда без рукавов, надевавшаяся поверх рубашки, но под верхнее платье.

ные сеньоры? Кому они известны? Поглядите на их пышные одеяния, опушенные соболями и расшитые золотом; смотрите, как на рукоятках мечей, на застежках шуб играют рубины, бериллы, изумруды и множество других камней, которых и назвать мы не сумеем! Кто когда видел такое великолепие? Откуда они, чьи они?» Но сто рыцарей молчали и не вставали со своих мест ни перед кем, кто бы ни входил.

Когда король Ирландии уселся под балдахином, сенешал Агингерран Рыжий объявил, что докажет с помощью свидетелей и подтвердит поединком, что он убил чудовище и что Изольда должна быть ему отдана. Тогда Изольда поклонилась своему отцу и сказала:

– Государь, есть здесь человек, который берется уличить вашего сенешала во лжи и коварстве. И этому человеку, готовому доказать, что он освободил вашу страну от бедствия и что ваша дочь не должна быть отдана трусу, обещаете ли вы простить старые его вины, как бы велики они были, и даровать мир и покровительство?

Король задумался и не торопился с ответом. Тогда его бароны закричали:

– Обещайте ему, государь, обещайте!

– Обещаю, – сказал король. Изольда стала на колени перед ним:

– Дай мне поцелуй мира и милости в знак того, что ты поцелуешь так же и этого человека.

Получив поцелуй, она пошла за Тристаном и за руку по-

вела его в собрание.

При его появлении сто рыцарей встали все вместе, приветствовали его, сложив руки крестом на груди, и выстроились вокруг него, а ирландцы догадались, что он их повелитель. Но многие узнали его, и раздался громкий крик:

– Это Тристан из Лоонуа, это убийца Морольда! Засверкали обнаженные мечи, и негодующие голоса повторяли:

– Смерть ему!

Но Изольда воскликнула:

– Король, поцелуй этого человека в уста, как ты обещал!

Король поцеловал Тристана в уста, и шум затих.

Тогда юный герой показал язык дракона и предай жил поединок сенешалу, который не посмел принять его и признался в обмане.

Затем Тристан сказал так:

– Сеньоры, я убил Морольда, но я приехал из за моря, чтобы предложить вам хорошее возмещение. Чтобы искупить свою вину, я подверг себя смертельной опасности, освободив вас от чудовища, и таким образом добыл себе белокурую Изольду. Получив ее, я увезу ее на своем корабле. Но, чтобы в землях Ирландии и Корнуэльса не пылала больше взаимная ненависть, а только любовь, да будет вам ведомо, что король Марк, мой повелитель, возьмет ее себе в супруги. Вот сто знатных рыцарей, готовых поклясться на мощах святых, что король Марк шлет вам привет и любовь, что желание его – почитать Изольду как свою любимую супругу и что все

корнуэльцы будут ей служить как своей госпоже и королеве.

Принесли мощи, и, к великой радости всех, сто рыцарей поклялись, что Тристан сказал правду.

Король взял Изольду за руку и спросил Тристана, честно ли приведет он ее к своему повелителю. Перед своими старейшими рыцарями и баронами Ирландии Тристан поклялся в этом. А белокурая Изольда содрогалась от стыда и печали. Итак, Тристан, добыв ее, пренебрег ею, чудная сказка о золотом волосе была только обманом, и он отдает ее другому!.. Но король вложил правую руку Изольды в правую руку Тристана, и Тристан удержал ее в знак того, что берет ее от имени короля Корнуэльса.

Таким образом из любви к королю Марку хитростью и силой Тристан выполнил наказ: достал златовласую королеву.

Глава IV. Любовное зелье

Когда наступило время поручить Изольду корнуэльским рыцарям, мать ее набрала трав, цветов и корней, положила их в вино и сварила могучий напиток. Сварив его при помощи своего ведовства и знахарства, она вылила его в кувшин и тайно сказала Бранжьене:

– Девушка, ты последуешь за Изольдой в страну короля Марка; ты ее любишь верной любовью. Возьми же этот кувшин с вином и запомни мои слова: спрячь его так, чтобы ничей глаз его не видел и ничьи уста его не коснулись. Но когда наступит брачная ночь, в то время, когда оставляют супругов одних, налей в кубок этого вина, настоянного на травах, и поднеси королю Марку и королеве Изольде, чтобы они выпили вместе. Да смотри, дитя мое, чтобы после них никто не отведал этого напитка, ибо такова его сила, что те, которые выпьют его вместе, будут любить друг друга всеми своими чувствами и всеми помыслами навеки: и в жизни, и в смерти.

Бранжьена обещала королеве поступить, как та приказала.

Рассекая глубокие волны, судно уносило Изольду. Но чем более удалялась девушка от ирландской земли, тем более она горевала. Сидя в шатре, где она заперлась с Бранжьеной, своей служанкой, она плакала, вспоминая о своей стране.

Куда везли ее эти иноземцы? К кому? Какая участь го-

товилась ей? Когда Тристан приходил к ней, желая успокоить ее ласковыми словами, она гневалась, отталкивала его, и ненависть наполняла ее сердце. Ведь он, похититель, убийца Морольда, хитростью оторвал ее от матери, от ее родины и не удостоил сохранить для себя самого, а везет ее по морю, как добычу, во вражескую страну...

– Несчастливая! – говорила она себе. – Да будет проклято море, которое несет меня; лучше бы мне умереть, где я родилась, чем жить там.

Однажды ветры стихли; паруса повисли вдоль мачт. Тристан велел пристать к острову. Корнуэльские рыцари и моряки, утомленные морским путем, сошли на берег. Одна Изольда осталась на судне, да еще девочка, ее служанка.

Тристан подошел к королеве и пытался успокоить ее сердце. Так как солнце пекло и их мучила жажда, они попросили напиться; девочка стала искать какой-нибудь напиток и нашла кувшин, доверенный Бранжъене матерью Изольды.

– Я нашла вино! – крикнула она им.

Нет, то было не вино – то была страсть, жгучая радость, и бесконечная тоска, и смерть.

Девочка наполнила кубок и поднесла своей госпоже. Изольда сделала несколько больших глотков, потом подала кубок Тристану, который осушил его до дна.

В это время вошла Бранжъена и увидела, что они переглядываются молча, как бы растерянные, очарованные. Она увидела перед ними почти опорожненный сосуд и около него

кубок.

Схватив сосуд и подбежав к корме, она бросала его в волны и жалобно воскликнула:

– Несчастливая я! Да будет проклят тот день, когда я родилась, проклят день, когда вошла на это судно! Изольда, дорогая моя, и ты, Тристан, вы испили вашу смерть!

А корабль снова понесся к Тинтагелю. Тристану казалось, что живое терние, с острыми шипами и благоуханными цветами, пустило свои корни в крови его сердца и крепкими узлами связало с прекрасным телом Изольды его тело, его мысль, все его желания. И он подумал: «Андрет, Деноален, Генелон и Гондоин, вы клеветали на меня, будто я добивался владений короля Марка. Но я еще более бесчестен: не земель его жажду я. Милый мой дядя, ты, который полюбил меня, сироту, раньше чем признал во мне кровь твоей сестры Бланшефлер, ты, который оплакивал меня так нежно, когда нес на руках в ладью без весел и парусов! Милый дядя, зачем не прогнал ты с первого же дня бродячего ребенка, явившегося, чтобы стать предателем? Что я задумал? Изольда – твоя жена, я твой вассал. Изольда – твоя жена, я – твой сын. Изольда – твоя жена, и любить меня она не Может».

Изольда любила его. Она хотела его ненавидеть: разве он не пренебрег ею оскорбительным образом? Она хотела его ненавидеть, но не могла, ибо сердце ее было охвачено тем нежным чувством, которое острее ненависти.

С тревогой следила за ними Бранжьена, еще сильнее тер-

заясь от того, что она одна знала, какое зло невольно им причинила. Два дня следила она за ними, видела, что они отказываются от всякой пищи, всякого питья, всякого утешения, что они ищут друг друга, как слепые, которые тянутся друг к другу ощупью. Несчастные! Они изнывали врозь, но еще больше страдали, когда, сойдясь, трепетали перед ужасом первого признания.

На третий день, когда Тристан подошел к расставленному на палубе шатру, где сидела Изольда, она, увидев его, сказала кротко:

– Войдите, сеньор.

– Государыня! – сказал Тристан. – Зачем назвали вы меня сеньором? Не я ли, напротив, ваш ленник и вассал, обязанный почитать вас, служить вам и любить вас, как свою королеву и госпожу?

Изольда ответила:

– Нет, ты знаешь, что ты сеньор мой и властелин! Ты знаешь, что я подвластна твоей силе и твоя раба! Ах, зачем не растравила я тогда раны жонглера, зачем не дала погибнуть в болотной траве убийце чудовища? Зачем не опустила на него меч, уже занесенный, когда он купался? Увы, я не знала того, что знаю теперь!

– Изольда, что же знаешь ты теперь? Что тебя терзает?

– Увы, меня терзает все, что я знаю, все, что я вижу. Меня терзает море, мое тело, моя жизнь!

Она положила руку на плечо Тристана; слезы затуманили

лучи ее глаз, губы задрожали.

Он повторил:

– Милая, что же терзает тебя? Она отвечала:

– Любовь к тебе.

Тогда он коснулся устами ее уст.

Но когда в первый раз они вкусили сладость любви, Бран-
жъена, которая следила за ними, вскрикнула и, простирая
руки, вся в слезах, пала к их ногам.

– Несчастные, остановитесь и, если еще возможно, верни-
тесь к прежнему! Но нет, это путь без возврата! Сила любви
уже влечет вас, и никогда более не будет вам радости без го-
ря: вами овладело вино, настоенное на травах, любовный на-
питок, который доверила мне твоя мать, Изольда. Лишь один
король Марк должен был выпить его с тобой, но дьявол по-
смеялся над нами троими – и вы осушили кубок. Друг мой,
Тристан, и дорогая Шольда, в наказание за то, что я плохо
стерегла напиток, отдаю вам мое тело и жизнь, ибо по моей
вине вы испили в проклятой чаше любовь и смерть!

Любящие обнялись; в их прекрасных телах трепетало лю-
бовное желание и сила жизни.

Тристан сказал:

– Пусть же придет смерть!

И когда вечерний сумрак окутал корабль, быстро несший-
ся к земле короля Марка, они, связанные навеки, отдались
любви.

Глава V. Бранжъена отдана рабам

Король Марк встретил белокурую Изольду на берегу. Тристан взял ее за руку и подвел к нему, и король принял ее, взяв тоже за руку. С большими почестями повел он ее в замок Тинтагель, и когда они появились в замке среди вассалов, красота ее так все осветила, что стены засияли, словно озаренные восходящим солнцем. Похвалил тогда король Марк милую услугу ласточек, которые принесли ему золотой волос, похвалил и Тристана, и сто рыцарей, что наудачу поехали на корабле добывать ему радость его очей и сердца. Увы, славный король, корабль принес и тебе великое горе и жестокие терзания! Десять дней спустя, созвав всех своих баронов, Марк взял себе в жены белокурую Изольду. Но когда наступила ночь, Бранжъена, чтобы скрыть бесчестье своей госпожи и спасти ее от смерти, заняла ее место на брачном ложе. Во искупление своей плохой охраны на море и из любви к королеве она, верная служанка, пожертвовала ей непорочностью своего тела. Темная ночь скрыла от короля ее обман и его позор.

Рассказчики утверждают, что Бранжъена не бросила в море кувшин с вином, настоенным на травах, не до конца осушенный любящими, но что на другой день, когда ее госпожа сама взошла на ложе короля Марка, она вылила в чашу остатки любовного напитка и дала их супругам; и будто ко-

роль Марк выпил много, а Изольда незаметно вылила свою долю. Но знайте, добрые люди, что эти рассказчики испортили и извратили повесть. Если они сочинили эту ложь, то потому, что не поняли великой любви, которую Марк всегда питал к королеве. Действительно, как вы об этом услышите вскоре, несмотря на мучения, терзания и жестокие возмездия. Марк никогда не в силах был изгнать из своего сердца ни Изольду, ни Тристана; но знайте, добрые люди, что он не пил вина, настоенного на травах: тут не было ни яда, ни колдовства – одно тонкое благородство его сердца внушало ему любовь.

Изольда стала королевой и живет как будто бы в радости; Изольда стала королевой и живет в горе. Изольду нежно любит король Марк, бароны ее почитают, а мелкий люд обожает ее. Изольда проводит дни в своих покоях, пышно расписанных и устланных цветами, у Изольды драгоценные уборы, пурпурные ткани и ковры, привезенные из фессалии, песни жонглеров под звуки арфы; занавесы с вышитыми на них леопардами, орлами, попугаями и всеми морскими и лесными зверями. У Изольды страстная, нежная любовь, и Тристан-с нею, когда угодно, и днем, и ночью, ибо по обычаю знатных господ он спит в королевском покое вместе с приближенными и доверенными людьми. А между тем Шельда трепещет. К чему трепетать? Разве не хранит он свою любовь в тайне? Кто заподозрит Тристана? Кто станет подозревать сына? Кто ее видит, кто за ней следит? Кто свиде-

тель? Да, свидетель следит за ней: Бранжъена, одна Бранжъена подсматривает за ней, Бранжъена знает ее жизнь, Бранжъена держит ее в своих руках. Боже, что если, не желая больше каждый день как служанка стлать ложе, на которое она первая взошла, она выдаст их королю? Что если Тристан умрет от ее вероломства? Так от страха сходила с ума королева. Но не от верной Бранжъены, а от ее собственного сердца исходило это терзание. Послушайте, добрые люди, какое великое предательство она затеяла! Но Бог, как вы об этом узнаете, сжалился над ней, и вы ее пожалеете.

В тот день Тристан и король охотились где-то далеко, и Тристан не знал об этом преступлении. Позвав двух рабов, Изольда посулила им волю и шестьдесят золотых, если они поклянутся, что исполнят ее желание. Они поклялись.

– Я поручу вам девушку, – сказала она. – Вы отведете ее в лес, близко или далеко, но в такое место, чтобы никто никогда не узнал о случившемся; там вы ее убьете и принесете мне ее язык. Запомните, чтобы повторить мне, слова, которые она вам скажет. Ступайте, и по возвращении вы будете свободны и богаты.

Затем она позвала Бранжъену.

– Милая моя, видишь ли, как тело мое изныло и как я страдаю? Пойди-ка в лес за травами, которые пригодны против этого недуга. Вот два раба: они проведут тебя, они знают, где растут полезные травы. Иди за ними, да знай, сестрица, что если я посылаю тебя в лес, то дело идет о моем покое и

жизни.

Рабы увели Бранжъену. Когда они пришли в лес, она захотела остановиться, ибо увидела, что целебные травы росли кругом в изобилии. Но они повлекли ее дальше.

– Ступай, девушка, здесь место непригодное.

Один из рабов шел впереди, его товарищ – за нею. Не стало проторенных тропинок, везде тернии, шипы и чертополох. Тогда шедший впереди обнажил свой меч и обернулся. Бранжъена метнулась к другому рабу, ища у него помощи, но и у того был в руке меч наголо, и он сказал:

– Девушка, нам придется убить тебя.

Бранжъена упала на траву, пытаясь руками отклонить острия мечей. Она просила пощады таким жалобным и нежным голосом, что они сказали:

– Если королева Изольда, твоя и наша госпожа, хочет твоей смерти, то, без сомнения, ты сильно перед ней провинилась.

– Не знаю в чем, друзья, – ответила она. – Помню лишь об одном проступке. Когда мы выехали из Ирландии, каждая из нас увезла с собой, как самое ценное украшение, по рубашке, белой, как снег, для нашей

брачной ночи. На море приключилось, что Изольда разорвала свою брачную рубашку, и я ей одолжила на брачную ночь свою. Вот все, в чем я провинилась перед нею, друзья. Но если уж она хочет моей смерти, то скажите, что я посылаю ей привет и любовь и что благодарю ее за честь и доб-

ро, которое она оказывала мне с тех пор, как ребенком, похищенная пиратами, я была продана ее матери и приставлена ей служить. Да сохранит Господь в своем милосердии ее честь, тело и жизнь! Теперь, милые, убивайте!

Рабы сжалились; они посоветовались между собой и, решив, что такой проступок, гложет быть, и не заслуживает смерти, привязали ее к дереву.

Потом убили щенка; один из них отрезал у него язык, завязал его в полу своей охотничьей куртки, и оба снова явились к Изольде.

– Говорила ли она что-нибудь? – спросила Изольда тревожно.

– Да, государыня, говорила. Она сказала, что вы рассердились на нее за одно: вы разорвали на море свою рубашку, белую как снег, которую везли из Ирландии, и она вам одолжила свою в вечер вашего брака. В этом, говорила она, ее единственное преступление. Она вас благодарила за все благодеяния, оказанные ей с детства, молила Бога сохранить вашу честь и жизнь. Она шлет вам привет и любовь. Вот, государыня, ее язык; мы его принесли вам.

– Убийцы! – вскричала Изольда. – Отдайте мне Бранжье-ну, дорогую мою служанку! Не знали вы разве, что она была моим единственным другом? Отдайте мне ее, убийцы!

– Истину говорят, государыня, что женщина меняет свои решения в короткий срок; в одно и то же время она смеется и плачет, любит и ненавидит. Мы убили Бранжье-ну: вы ведь

так приказали.

– Как я могла это приказать и за какой проступок? Разве не была она мне дорогой подругой, нежной, верной, прекрасной? Вы это знаете, убийцы; я послала ее за целебными травами и вам ее доверила, чтобы защитить ее в пути. Я скажу, что вы ее убили, и вас изжарят на углях.

– Знайте же, королева, что она жива: мы приведем ее к вам здоровой и невредимой.

Но Изольда не верила им и, как обезумевшая, проклинала то убийц, то самое себя. Она удержала одного из рабов при себе, между тем как другой поспешил к дереву, к которому была привязана Бранжъена.

– Тебя Бог спас, красавица: твоя госпожа снова зовет тебя к себе!

Явившись к Изольде, Бранжъена встала на колени, умоляя простить ее, но и королева пала на колени перед ней. И обе, обнявшись, надолго лишились чувств.

Глава VI. Большая сосна

Не верной Бранжъены, а самих себя должны остерегаться любящие. Но как могли быть бдительными их опьяненные сердца? Любовь гонит их, как жажда гонит раненого оленя к реке, как внезапно спущенный после долгого голода молодой ястреб бросается на добычу. Увы, любовь нельзя укрыть! Правда, благодаря разумной Бранжъене никто не застал королеву в объятиях ее друга; но не видел ли каждый всегда и везде, как их томило желание, сжигая их, словно струясь из них, как молодое вино льется через край чана?

Уже при дворе четыре предателя, ненавидящие Тристана за его доблесть, бродят вокруг королевы. Они уже знают правду о ее прекрасной любви; снедаемые алчностью, ненавистью и злорадством, они понесут эту весть к королю и увидят, как нежность его сменится яростью, как Тристан будет изгнан или предан смерти, а королева будет терзаться.

Они боялись, однако, гнева Тристана, пока, наконец, ненависть не превозмогла в них страх; однажды четыре барона позвали короля Марка на совет, и Андрет сказал ему:

– Великий государь! Сердце твое, несомненно, раздражится, и нам четверым это будет очень прискорбно, но мы обязаны объявить тебе то, что нечаянно открыли. Ты отдал свое сердце Тристану, а он хочет тебя опозорить. Тщетно мы тебя предупреждали: из любви к одному человеку ты пре-

небрег своей родней, своими баронами и всех нас забросил. Знай же: Тристан любит королеву. Это верно, и об этом уже много говорят.

Пошатнулся благородный король и ответил:

– Подлый Человек! Какое вероломство ты задумал! Да, я отдал свое сердце Тристану. В тот день, когда Морольд вызывал вас на поединок, все вы опустили головы, дрожа, и словно онемели, а Тристан вышел против него за честь этой страны, и из каждой его раны душа его могла улететь. Вот почему вы его ненавидите, и вот почему я люблю его больше, чем тебя, Андрет, больше, чем всех вас, более, чем всех других! Но что же такое вы открыли, что видели, что слышали?

– В сущности, ничего, государь, ничего такого, чего бы не могли увидеть и твои глаза, слышать и твои уши. Смотри сам, прислушивайся, великий государь: может быть, еще есть время.

И, удалившись, они оставили его на досуге впивать яд.

Король Марк не мог стряхнуть с себя наваждение. В свою очередь, против желания он стал следить за своим племянником и за королевой. Но Бранжьена заметила это, предупредила их, и тщетны были старания короля испытать Изольду хитростью. Вскоре он возмутился этой недостойной борьбой и, поняв сам, что более не в состоянии отогнать от себя подозрения, призвал Тристана и сказал ему:

– Тристан, покинь этот замок и, покинув его, не отваживайся более перебираться через его рвы и ограду. Низкие

люди обвиняют тебя в большом предательстве. Не спрашивай меня: я не сумею передать тебе их обвинений, не пороча нас обоих. Не ищи слов, которые могли бы успокоить меня: я чувствую они были бы бесполезны. Все же не верю я предателям; если бы я им верил, разве я не предал бы тебя позорной смерти? Но их злокозненные речи смутили мое сердце, и только твой отъезд меня успокоит, уезжай! Нет сомнения, я вскоре тебя призову, уезжай же, сын мой, всегда мне дорогой!

Когда эта весть дошла до предателей, они заговорили промеж себя:

– Он уехал, уехал чародей, изгнали его, как вора. Что с ним станется? Он, наверно, поедет за море искать приключений и предложит свои бесчестные услуги какому-нибудь дальнему королю.

Нет, Тристан не в силах уехать: когда он переступил ограду и рвы замка, он почувствовал, что далее уйти не в состоянии. Он остановился в самом городе Тинтагеле, поселился с Горвеналом у одного горожанина и изнывал, мучимый лихорадкой, раненный сильнее, чем в те дни, когда копьё Морольда отравило его тело ядом. Прежде, когда он лежал в лачуге, построенной на берегу моря, и все избегали зловония его ран, трое были при нем – Горвенал, Динас из Ладана и король Марк; теперь Горвенал и Динас еще находились у его изголовья, но король Марк не явился, и Тристан стонал:

– Да, милый дядя, тело мое распространяет теперь запах

еще более отвратительного яда, и твоя любовь не может превозмочь твоего омерзения.

И вместе с тем в жару лихорадки желание, точно конь, закусивший удила, непрерывно влекло его к плотно запертым башням, за которыми заключена была королева; конь и всадник, поднявшись, снова пускались в тот же путь. За плотно запертыми башнями изнемогала и белокурая Изольда, еще более несчастная, потому что среди чужих людей, которые за нею следили, ей надо было целый день изображать притворное веселье и смех, а ночью, лежа возле короля Марка, не двигаться, сдерживать дрожь во всем теле и приступы лихорадки. Она хочет бежать к Тристану. Ей кажется, что она встает и подходит к двери, но у ее порога предатели поставили в темноте большие косы: их отточенные злые лезвия впиваются на ходу в ее нежные колени, и ей кажется, что она падает и из ее порезанных колен бьют две алых струи.

Скоро любящие умрут, если никто не придет к ним на помощь. А кто же может спасти их, если не Бранжьена? С опасностью для жизни она прокралась к дому, где хирел Тристан. Радостно открыл ей двери Горвенал; и, ради спасения любящих, она научает Тристана уловке.

Никогда, добрые люди, не слышали вы о более хитрой любовной уловке.

За замком Ттатагель простирался обширный плодовый сад, окруженный крепким частоколом. Без числа росли в нем прекрасные деревья, отягощенные плодами и благоуханны-

ми гроздьями. В самом отдаленном от замка месте, рядом с кольями изгороди, возвышалась высокая и прямая сосна, могучий ствол которой поддерживал широко раскинувшуюся вершину. У ее подножия протекал ручей: вода вначале разливалась широкой полосой, светлая и спокойная, в мраморном водоеме, потом, заключенная в тесные берега, она неслась по саду, проникая даже внутрь замка и протекая по женским покоям.

И вот, по совету Бранжъены, Тристан каждый вечер искусно строгал кусочки коры и мелкие сучья. Перескочив через острый частокол и подойдя к сосне, он бросал их в источник. Легкие как пена, они плыли по поверхности и текли вместе с пеной; а в женских покоях Изольда следила, когда они появятся. После этого вечером, если Бранжъене удавалось удалить короля Марка и предателей, Изольда направлялась к своему милому. Она шла спешно и пугливо, следя при каждом своем шаге, не скрыты ли за деревьями в засаде предатели. Увидев ее, Тристан бросался к ней, простирая объятия. И тогда им покровительствовали ночь и дружеская тень большой сосны.

– Тристан, – говорила королева, – моряки уверяют, что Тинтагельский замок зачарован и что вследствие этих чар два раза в году, зимой и летом, он исчезает и бывает невидим для глаза. Теперь он исчез. Не это ли тот чудесный сад, о котором под звуки арфы говорят песни? Воздушная стена окружает его со всех сторон, деревья в цвету, почва напое-

на благоуханием, рыцарь живет там, не старясь, в объятиях своей милой, и никакая вражья сила не может разбить воздушную стену...

На башнях Тинтагеля уже звучат рожки дозорщиков, возвещающих зарю.

– Нет, – отвечал Тристан, – воздушная стена уже разрушена, и не здесь тот чудесный сад, но настанет день, моя дорогая, когда мы пойдем с тобой вместе в счастливую страну, откуда никто не возвращается. Там высится замок из белого мрамора; в каждом из его тысячи окон горит свеча, у каждого жонглер играет и поет бесконечную мелодию. Солнце там не светит, и никто не сетует, что его нет. Это блаженная страна живых.

А на вершине башен Тинтагеля заря уже освещала большие зеленые и голубые каменные глыбы замка.

Изольда обрела свою радость. Подозрения Марка рассеялись. Предатели, наоборот, догадались, что Тристан видится с королевой. Но Бранжьена сторожила так хорошо, что все их старания выследить любящих были тщетны. Наконец, герцог Андрет (да посрамит его Господь!) сказал своим товарищам:

– Сеньоры, посоветуемся с Фросином, горбатым карликом. Он сведущ во многих искусствах, в магии и во всякого рода волшебстве. Он умеет при рождении ребенка так хорошо наблюдать семь планет и движение звезд, что предсказывает все, что приключится с ним в жизни. Властью Бугибуса

и Нуарона ⁷ он открывает самые сокровенные тайны. Он откроет нам, если пожелает, хитрости белокурой Изольды.

Из ненависти к красоте и доблести маленький злой человечек начертил волшебные знаки, принялся за чары и заклинания, посмотрел на движение Ориона и Люцифера ⁸ и сказал:

– Радуйтесь, сеньоры, в эту ночь вам удастся их поймать. Они повели его к королю.

– Государь, – сказал колдун, – прикажите вашим охотникам спустить свору ищеек и оседлать коней. Объявите, что вы семь дней и семь ночей будете в лесу на охоте, и вы можете меня повесить, если не услышите в эту же ночь, какие речи ведет с королевой Тристан.

Король так и сделал, хотя и очень неохотно. Когда наступила ночь, он оставил своих охотников в лесу, посадил карлика за собой на коня и вернулся в Тинтагель. Потайным входом он проник в сад, и карлик привел его к большой сосне.

– Государь, вам надо взобраться на ветви этого дерева. Возьмите туда с собой ваш лук и стрелы: они вам, быть может, пригодятся. Да держитесь потише; долго ждать вам не придется.

– Убирайся, чертов пес! – ответил Марк.

⁷ Первое из приведенных имен бесов представляет собой набор звуков, второе значит «чернявый».

⁸ Древнее название «утренней звезды», Венеры.

И карлик ушел, уводя коня. Он сказал правду: король ждал недолго. В эту ночь луна сияла, светлая и прекрасная. Скрытый в ветвях, король видел, как его племянник перескочил через острый частокол. Тристан подошел под дерево и стал бросать в воду стружки и сучья. Но так как, бросая, он наклонился над ключом, то увидел образ короля, отраженный в воде. Ах, если бы мог он остановить мчавшиеся стружки! Но, увы, они быстро несутся по саду. Там, в женских покоях, Изольда следит за их появлением: она, несомненно, уже увидела их и спешит сюда. Да защитит Господь любящих!

Она явилась. Тристан стоит неподвижно и глядит на нее; он слышит на дереве скрип стрелы, вправляемой в тетиву. Она подходит, легкая и осторожная по обыкновению. «Что это? – думает она. – Почему Тристан не бежит мне навстречу? Не увидел ли он какого-нибудь врага?»

Она останавливается, хочет проникнуть взглядом в темную чащу; внезапно при свете луны она тоже замечает тень короля, отраженную в ручье. Она проявила свою женскую сообразительность тем, что не подняла глаза на ветви дерева.

– Господи Боже! – прошептала она. – Дозволь мне только заговорить первой.

Она подошла еще ближе. Послушайте, как она опередила и предупредила своего милого:

– Сеньор Тристан, на что ты отважился? Звать меня в такое место и в такой час! Ты говоришь, что уже много раз ме-

ня вызывал, чтобы упросить меня. В чем твоя просьба? Чего ты от меня ждешь? Наконец, я пришла, ибо не могла забыть, что если я королева, то этим обязана тебе. Я здесь, чего же ты хочешь?

– Просить милости, королева, чтобы ты успокоила короля.

Она дрожит и плачет, а Тристан славит Господа Бога, что Он открыл опасность его милой.

– Да, королева, часто звал я тебя, и всегда напрасно: с тех пор как король прогнал меня, ты ни разу не удостоила явиться на мой зов. Сжался теперь надо мной, несчастным: король меня ненавидит, не знаю, за что: но ты, быть может, знаешь. А кто, кроме тебя одной, может смягчить его гнев, благородная королева, добрая Изольда, которой доверяется сердце Марка?

– Разве ты в самом деле не знаешь, сеньор Тристан, что он нас обоих подозревает? И в какой еще измене! Мне ли, к великому моему стыду, сообщать тебе об этом? Мой супруг думает, что я люблю тебя преступной любовью. Про то знает Господь, и если я лгу, пусть Он покроет позором мое тело! Никогда не одаривала я никого своей любовью, кроме того, кто первый заключил меня, девушку, в свои объятия. Ты хочешь, Тристан, чтобы я просила короля о твоём помиловании? Да если бы он узнал только, что я пришла под эту сосну, завтра же он развеял бы мой прах по ветру!

Тристан воскликнул с тоскою:

– Говорят, милый дядя: «Тот не подл, кто не делает под-

лостей». Но в чем же сердце могло зародиться такое подозрение?

– Сеньор Тристан, что хочешь ты этим сказать? Нет, король, мой супруг, сам по себе не измыслил бы подобной гадости, но здешние предатели заставили его уверовать в эту клевету: ведь легко обмануть благородное сердце. «Они любят друг друга», – сказали ему наветчики и вменили это нам в преступление. Да, ты любил меня, Тристан, – к чему это отрицать? Разве я не жена твоего дяди и не спасла тебя дважды от смерти? И я, в свою очередь, любила тебя: разве ты не родня королю и не слышала ли я много раз от моей матери, что жена не любит своего мужа, если не любит его родни? Из любви к королю я любила тебя, Тристан, и даже теперь, если он вернет тебе свою милость, я буду этому рада. Но я дрожу, мне очень страшно. Я уйду, я и так слишком замешкалась.

Вверху, на ветвях, жалость разобрала короля, и он тихо улыбнулся. Изольда побежала. Тристан молил ее вернуться:

– Королева, во имя Спасителя, приди ко мне на помощь, смилуйся! Трусы хотели отстранить от короля всех тех, кто его любит; им это удалось, и теперь они посмеиваются над ним. Пусть так! Я уйду из этой страны таким же бедняком, каким когда-то сюда явился. Но во всяком случае попроси короля, чтобы, в благодарность за прежние услуги и дабы я без стыда мог уехать в далекие края, он дал мне из своей казны сколько нужно, чтобы оплатить расходы, выкупить моего коня и доспехи.

– Нет, Тристан, тебе не следует обращаться ко мне с такой просьбой. Я одна в этой стране, одна в этом дворце, где меня никто не любит, без поддержки, во власти короля. Если я замолвлю за тебя хоть одно слово, разве ты не понимаешь, что я могу навлечь на себя позорную смерть? Бог да сохранит тебя, друг! Неправедно ненавидит тебя король, но во всякой земле, куда бы ты ни пришел. Господь Бог будет тебе верным другом.

Она ушла, добежала до своей комнаты, где Бранжьена заключила ее, трепещущую, в свои объятия. Королева рассказала ей все, что случилось.

– Изольда, госпожа моя! – воскликнула Бранжьена. – Бог явил для тебя великое чудо. Он, милостивый отец, не хочет, чтобы пострадали те, о которых знает, что они невинны.

Под большой сосной, опершись на мраморный бассейн. Тристан сетовал:

– Господь да смилуется надо мной и да исправит великую неправду, которую я терплю от моего дорогого господина!

Уже он перескочил за частокол сада, а король говорит про себя, улыбаясь:

– Милый племянник, да будет благословен этот час! Видишь ли: далекое путешествие, к которому ты снаряжался утром, уже кончилось.

Там, на опушке леса, карлик Фросин вопрошал звезды и прочел в них, что король угрожает ему смертью. Он почернел от страха и стыда, надулся от злости и быстро пустился

бежать по направлению к уэльской земле.

Глава VII. Карлик Фросин

Король Марк примирился с Тристаном. Он позволил ему возвратиться в замок, и Тристан по-прежнему ночует в королевском покое, среди приближенных и доверенных людей. Когда ему захочется, он может входить и выходить: короля это более не заботит. Но кто же может долго скрывать свою любовь?

Марк простил своим предателям, и когда сенешал Динас из Лидана нашел однажды в дальнем лесу горбатого карлика, блуждающего и жалкого, он привел его к королю, который сжалился над ним и простил ему его проступок.

Но его доброта только усилила ненависть баронов. Снова застав Тристана с королевой, они поклялись, что если король не выгонит своего племянника из страны, они удалятся в свои крепкие замки и будут с ним воевать. Они пригласили короля для переговоров.

– Государь, люби нас, ненавидь нас – на это твоя воля, но мы желаем, чтоб ты изгнал Тристана. Он любит королеву; это видят все, и мы терпеть этого больше не желаем.

Выслушал их король, вздохнул и промолчал, опустив голову.

– Нет, государь, мы больше терпеть этого не желаем, ибо теперь мы знаем, что эта весть, когда-то новая, уже не поражает тебя, ты снисходишь к их преступлению. Как ты по-

ступишь? Обдумай и решишь. Что касается нас, то, если ты не удалишь навсегда своего племянника, мы уедем в наши владения, отвлечем от твоего двора и соседей, ибо не можем вынести, чтобы они здесь оставались. Вот что мы предлагаем тебе на выбор. Решай.

– Я уже раз поверил, сеньоры, скверным словам, которые вы говорили о Тристане, и в этом раскаялся. Но вы – мои ленники, и я не хочу лишаться услуг моих людей. Дайте же мне совет, прошу вас: вы мне обязаны советом. Вы знаете хорошо, что я враг всякой гордыни и высокомерия.

– В таком случае, государь, вели позвать сюда карлика Фросина. Ты ему не доверяешь из-за того, что случилось в саду. Однако разве не прочел он в звездах, что королева придет в тот вечер под сосну? Он сведущ во многом; посоветуйся с ним.

Проклятый горбун поспешил явиться, и Деноален обнял его. Послушайте, какому предательству научил он короля:

– Прикажи, государь, своему племяннику, чтобы завтра на заре он поскакал в Кардуэль к королю Артуру с грамотой на пергаменте, хорошо запечатанной воском. Государь, Тристан спит возле твоего ложа.

После первого сна выйди из твоего покоя; клянусь Богом и римским Законом ⁹, что, если он любит Изольду грешной любовью, он захочет прийти поговорить с ней перед отъездом; если он явится так, что я про то не узнаю, а ты не уви-

⁹ Католической верой.

дишь, тогда убей меня. Что касается остального, предоставь мне вести дело по собственному усмотрению. Только смотри, не говори Тристану о поручении до того часа, когда надо будет идти спать.

– Хорошо, – ответил Марк, – пусть будет так.

Тогда карлик затеял гнусное предательство. Зайдя к пекарю, он купил на четыре денье крупитчатой муки и спрятал ее за пазуху. Кто когда-либо измыслил подобное предательство! Поздно вечером, когда король отужинал и его приближенные заснули в просторной зале по соседству с его покоем, Тристан подошел по обыкновению к ложу короля Марка.

– Дорогой племянник, – сказал ему король, – исполни мою волю: поезжай верхом к королю Артуру в Кардуэль, и пусть он распечатает эту грамоту. Передай ему мой привет и не оставайся там более одного дня.

– Я выеду завтра, государь.

– Да, завтра, до рассвета.

И вот Тристан в большом волнении. Расстояние от его ложа до ложа Марка было в длину копья. Им овладело страстное желание поговорить с королевой, и он замыслил в сердце, что на заре, если Марк будет спать, он приблизится к Изольде. Боже, что за безумная мысль!

Карлик, по обыкновению, спал в королевском покое. Когда ему показалось, что все заснули, он поднялся и между ложем Тристана и постелью королевы насыпал крупитчатой муки: если один из любовников подойдет к другому, мука

сохранит следы его шагов. Пока он сыпал, увидел это Тристан, еще не уснувший. «Что это значит? – подумал он. – Этот карлик не имеет обыкновения оказывать мне услуги. Но он обманется: глуп будет тот, кто позволит ему снять следы своих ног».

В полночь король встал и вышел, а за ним и горбун-карлик. В комнате было темно – ни зажженной свечи, ни светильника. Тристан поднялся во весь рост на своей постели. Боже, зачем пришла ему эта мысль! Поджав ноги и измерив расстояние, он сделал прыжок и упал на ложе короля. Увы, накануне в лесу клык огромного кабана ранил его в ногу, и, по несчастью, рана не была перевязана. При усилении от скачка она раскрылась, и потекла кровь; Тристан не видел ее, а она лилась, обагрив простыни. В это время карлик на свежем воздухе при свете луны узнал с помощью своего колдовства, что любовники оказались вместе. Затрясшись от радости, он сказал королю:

– Ступай теперь, и если не застанешь их вместе, вели меня повесить.

Они вошли в комнату – король, карлик и четыре предателя. Тристан, слышав их, поднялся, прыгнул и упал на свое ложе. Но увы, при этом скачке кровь из раны брызнула и обильно смочила муку.

Король, бароны и карлик со светильником уже в комнате. Тристан и Изольда притворились спящими. Они оставались одни в покое, не считая Периниса: он лежал в ногах Триста-

на и не двигался. Но король увидел на ложе обагренные простыни, а на полу – муку, смоченную свежей кровью.

Тогда четыре барона, ненавидевшие Тристана за его доблесть, схватили его на постели, грозя королеве, издеваясь над ней, дразня ее, обещая ей праведный суд. Они нашли кровоточившую рану.

– Тристан, – сказал король, – всякие оправдания бесполезны: завтра ты умрешь!

– Смилуйся, государь! – воскликнул Тристан. – Во имя Бога, за нас распятого, сжался над нами!

– Отомсти за себя, государь! – сказали предатели.

– Дорогой дядя, – заговорил снова Тристан, – не за себя я молю: мне не тяжело умирать! Конечно, если бы не боязнь тебя рассердить, я дорого отплатил бы за это оскорбление трусам, которые без твоей защиты не осмелились бы своими руками коснуться моего тела; но из уважения и из любви к тебе я отдаюсь на твою волю: делай со мной, что хочешь, бери меня, государь, но сжался над королевой.

И Тристан униженно склонился к его ногам.

– Сжался над королевой, ибо если есть в твоём доме человек, достаточно отважный, чтобы утверждать ложно, будто я любил ее преступной любовью, я готов сразиться с ним в поединке. Во имя Господа Бога смилуйся над нею, государь!

Но четыре барона связали веревками его и королеву. Если бы он только знал, что ему не позволят доказать поединком свою невиновность, он дал бы скорее разорвать себя на ча-

сти, чем допустил бы позорным образом связать себя.

Он надеялся на Бога и знал, что в поединке никто не посмеет поднять на него оружие. И он по праву полагался на Бога. Когда он клялся, что никогда не любил королеву преступной любовью, предатели смеялись наглому обману. Но я обращаюсь к вам, добрые люди; вы знаете всю правду о любовном зелье, выпитом на море, и можете решить, ложно ли он говорил. Не поступок доказывает преступление, а истинный суд. Люди видят поступок, а Бог видит сердца: Он один – праведный судья. Потому-то Он пожелал, чтобы всякий обвиняемый имел возможность доказать свою правоту поединком, и Он сам сражается на стороне невинного. Вот почему Тристан требовал суда и поединка, остерегаясь в чем-либо оказать неуважение королю Марку. Но если бы он мог предугадать, что потом произошло, он убил бы предателей. Боже, зачем не убил он их!

Глава VIII. Прыжок из часовни

По городу темной ночью бежит молва: Тристан и королева схвачены, король хочет их казнить. Богатые горожане и мелкий люд – все плачут. – Увы, как нам не плакать! Тристан, смелый боец, неужели ты умрешь от такого подлого предательства? А ты, благородная, почитаемая королева! В какой земле народится когда-либо принцесса столь прекрасная, столь любимая? Это плод твоего колдовства, горбун-карлик! Да не удостоится лицезреть Господа тот, кто, встретив тебя, не вонзит в твое сердце копьё! Тристан, милый друг, дорогой! Когда Морольд, явившийся, чтобы захватить наших детей, высадился на этом берегу, никто из баронов не посмел вооружиться против него: все молчали, как немые, лишь ты, Тристан, вышел на поединок за всех нас, людей Корнуэльса. Ты убил Морольда, он поразил тебя копьём, и от этой раны ты едва не умер за нас. И нынче, памятуя обо всем этом, допустим ли мы твою смерть?

Жалобы и вопли разносятся по всему городу; все бегут во дворец. Но таков гнев короля, что не найдется столь сильного и смелого барона, который решился бы замолвить слово, чтобы смягчить его.

День близится, ночь уходит. Еще до восхода солнца Марк выехал за город к месту, где он обыкновенно творил суд и расправу. Он велел вырыть в земле яму и наполнить ее уз-

ловатыми колючими прутьями белого и черного терновника, вырванного с корнем.

В шесть часов утра он велел кликнуть клич по всей стране, чтобы тотчас же собрались корнуэльские люди. Они шумно сбегались; и не было никого, кто бы не плакал, кроме карлика из Тинтагеля. Тогда король сказал так:

– Сеньоры, этот костер из терновника я велел сложить для Тристана и королевы, ибо они преступили закон.

Все закричали:

– Требуем суда, государь, прежде всего суда, тяжбы и разбирательства! Казнить их без суда – позор и преступление. Дай им отсрочку, окажи милость!

Марк ответил гневно:

– Не будет им ни отсрочки, ни милости, ни защиты, ни суда. Клянусь Господом, Творцом мира, если кто посмеет просить меня об этом, его первого сожгут на костре.

Он приказал развести огонь и привести из замка Тристана. Терновник пылает, все молчат, король ждет.

Слуги добежали до покоя, где под крепкой стражей находились любящие. Тристана схватили за руки, спутанные веревками. Клянусь Богом, что за подлость была так связать его! Он плачет от обиды, но к чему эти слезы? Его тащат позорным образом, а королева восклицает, почти обезумев от горя:

– Быть убитой для твоего спасения – вот что было бы мне великой радостью!

Стража и Тристан выходят из города, направляясь к костру, но за ними мчится всадник, догоняет их, соскакивает на ходу с боевого коня: это Динас, славный сенешал. При вести о случившемся он выехал из своего замка Лидана; пена, пот и кровь струились с боков его коня.

– Сын мой, я спешу на королевский суд! Господь, быть может, внушит мне такой совет, который вам обоим будет пригоден; по крайней мере. Он и теперь позволит мне сослужить тебе малую службу. Друзья, – сказал он слугам, – я желаю, чтобы вы вели его без пут.

Динас разрубил позорные веревки и прибавил:

– Если он попытается убежать, разве не при вас ваши мечи?

Он поцеловал Тристана в уста, снова сел на коня и умчался.

Послушайте же, какво милосердие Божие! Не желая смерти грешника, Господь внял слезам и воплям бедных людей, которые молили Его за мучимых любящих. У дороги, по которой проходил Тристан, на вершине скалы возвышалась над морем обращенная к северу часовня. Стены задней ее стороны были расположены на краю берега, высокого, каменистого, с острыми уступами; в ее абсиде, над самой пропастью, было расписное окно искусной работы какого-то святого человека. Тристан сказал тем, кто его вел:

– Видите ли вы эту часовню, добрые люди? Позвольте мне войти в нее. Смерть моя близка, я помолюсь Богу, чтобы Он

простил мне мои прегрешения. У часовни всего один выход, а у каждого из вас есть по мечу; вы хорошо понимаете, что я могу выйти только этой дверью и что, когда я помолюсь, мне придется волей-неволей отдаться в ваши руки.

Один из стражей сказал:

– Разумеется! Отчего ему не позволить?

Они дали ему войти. Он кинулся внутрь часовни, пробежал мимо алтаря, подскочил к окну в абсиде, схватился за него, открыл и прыгнул наружу... Лучше это падение, чем смерть на костре, да еще перед таким сборищем!

Знайте, добрые люди, что Бог смиловался над ним: ветер надул его одежду, подхватил его и опустил на большой камень у подножья скалы.

До сих пор еще корнуэльцы зовут этот камень «Прыжок Тристана».

А перед церковью все его ждали, но тщетно: Бог принял его теперь под свою защиту. Он бежит, рыхлый песок осыпается под его ногами. Он падает, оборачивается, видит вдали костер: пламя трещит, дым поднимается столбом... Он бежит.

Схватив меч, опустив поводья, Горвенал вырвался из города: король сжег бы его самого вместо его господина. На поляне он нагнал Тристана.

– Бог помиловал меня, наставник! – воскликнул Тристан. – Но к чему мне это, несчастному? Если нет со мною Изольды, все утратило для меня цену. И зачем не разбился я

при моем падении! Я спасся, Изольда, а тебя убьют. Ее сжигают из-за меня, из-за нее умру и я.

Сказал ему Горвенал:

– Дорогой мой господин, успокойся, не слушайся голоса гнева! Видишь ты этот частый кустарник, окруженный широким рвом? Спрячемся там: много людей проходит по этой дороге, они нас оповестят, и если, сын мой, Изольду сожгут, клянусь Богом, Сыном Марин, никогда не ночевать мне под кровлей до того дня, когда мы за нее отомстим.

– Но у меня нет меча, дорогой наставник!

– Вот он, я его привез тебе.

– Хорошо, милый наставник: теперь я не боюсь ничего, кроме Бога.

– Да еще, сын мой, есть у меня под платьем такая вещь, которая тебя порадует, – панцирь, крепкий и легкий, он может тебе сослужить службу.

– Дай его сюда, дорогой наставник; клянусь Богом, в которого верую, что теперь я освобожу мою милую.

– Не торопись! – сказал Горвенал. – Господь, без сомнения, уготовил тебе какое-нибудь более надежное отмщение. Подумай, что приблизиться к костру не в твоей власти: горожане окружают его, а они короля боятся. Может быть, тот или другой и желает твоего освобождения, но он первый же тебя и ударит. Ведь правильно говорят, сын мой: отчаянность – не храбрость. Погоди...

Случилось, что когда Тристан бросился со скалы, ка-

кой-то бедный человек из мелкого люда увидел, как он поднялся и побежал. Он поспешил в Тинтагель, прокрался в комнату Изольды и сказал ей:

– Не плачьте, государыня, ваш друг спасся.

– Да будет благословен Господь! – промолвила она. – Пусть теперь меня вяжут или развязывают, щадят или казнят, мне нет заботы.

Предатели так скрутили веревками кисти ее рук, что потекла кровь, и она сказала, улыбаясь:

– Если бы я заплакала от этого мучения теперь, когда Господь в милосердии своем только что вырвал моего милого из рук предателей, чего бы я стоила?

Когда до короля дошла весть, что Тристан бежал через окно часовни, он побледнел от гнева и приказал своим людям привести Изольду.

Ее влекут. Она появляется на пороге залы, протягивая свои нежные руки, из которых сочится кровь. Крик несется по всей улице: «Боже, смилуйся над ней! Благородная, достойная королева, в какую печаль ввергли нашу страну те, что предали тебя! Будь они прокляты!»

Королеву приволокли к костру из пылающего терновника. Тогда Динас из Лидана пал к ногам короля:

– Внемли мне, государь! Я служил тебе долго, честно, и верно, и не ради выгоды: нет такого бедняка, сироты, старухи, которые дали бы мне денежку за сенешальство, которое я держал от тебя в течение всей моей жизни. В награду за

это помилуй королеву. Ты хочешь сжечь ее без суда – это преступление, ибо она не признается в том, в чем ты ее обвиняешь. К тому же размысли: если ты сожжешь ее, не будет больше мира в твоей стране. Тристан убежал, ему хорошо известны равнины, леса, переправы и проходы, а он смел. Конечно, ты его дядя, он не нападет на тебя самого, но он перебьет всех баронов, твоих вассалов, какие ему попадутся.

Слышали это четыре предателя и побледнели; им уже виделся Тристан, поджидающий их в засаде.

– Государь! – сказал сенешал. – Если правда то, что я верно тебе служил всю жизнь, отдай мне Изольду: я тебе отвечаю за нее как ее страж и поручитель.

Но король взял Динаса за руку и поклялся именем всех святых, что он тотчас свершит суд.

Тогда Динас поднялся и сказал:

– Я возвращаюсь в Лидан, государь, и бросаю вашу службу.

Грустно улыбнулась ему Изольда. Он сел на своего боевого коня и удалился, печальный и угрюмый, потупив голову.

Изольда стоит перед костром. Окружающая ее толпа кричит, проклиная короля, проклиная предателей. По лицу

Изольды текут слезы. Она одета в узкое платье серого цвета с тонкой по нему золотой полоской; золотая нить вплетена в ее волосы, спадающие до ног. Кто бы увидел ее столь прекрасной и не пожалел, у того сердце предателя. Боже, как крепко связали ей руки!

Случилось, что сто прокаженных, обезображенных, с источенным белесоватым телом, приковыляли на костылях под звуки своих трещоток и столпились у костра; и из-под распухших век их налитые кровью глаза любовались зрелищем.

Ивен, самый отвратительный из больных, закричал королю пронзительным голосом:

– Ты хочешь, государь, предать огню свою жену? Наказание справедливое, но слишком скорое. Быстро сожжет ее это сильное пламя, быстро рассеет буйный ветер ее пепел; и когда пламя потухнет, муки ее прекратятся. Хочешь ли, я научу тебя худшему наказанию, такому, что она будет жить, но с великим позором, вечно желая себе смерти? Хочешь ли того?

Король ответил:

– Пусть живет, но с позором, что хуже смерти. Кто научит меня такой казни, того я особо возлюблю.

– Итак, скажу коротко свою мысль, государь. Видишь ли, у меня сто товарищей. Отдай нам Изольду – пусть она будет наша. Недуг разжигает наши страсти. Дай ее твоим прокаженным. Никогда женщина не будет иметь худшего конца. Посмотри, как лохмотья

липнут к нашим сочащимся ранам... А она, которой были по сердцу, пока она была с тобой, дорогие ткани, подбитые пестрым мехом, драгоценности, покои, изукрашенные мрамором, она, которая наслаждалась хорошими винами, поче-

том, весельем, – когда она увидит двор твоих прокаженных и ей придется войти в наши низкие лачуги и спать с нами, тогда красавица белокурая Изольда познает свой грех и пожалеет о прекрасном костре из терновника!

Выслушав его, король поднялся с места и долго стоял неподвижно. Наконец он подбежал к королеве и схватил ее за руку. Она воскликнула:

– Сжался надо мной, государь! Сожгите, сожгите меня скорей!

Король молчал. Ивен и сто больных теснились вокруг нее. Слушая, как они кричат и вопят, все сердца сжались от жалости; а Ивен доволен. Изольда уходит, Ивен ее ведет. Ужасный сонм вышел из города. Они направились по дороге, где Тристан сидел в засаде.

– Что ты намерен делать, сын мой? – крикнул Горвенал. – Вот твоя милая!

Тристан выехал на коне из чащи.

– Ивен, довольно тебе провожать ее, оставь ее, коли жизнь тебе мила! Но

Ивен сбросил свой плащ.

– Смелей, друзья! Примитесь-ка за палки, за костыли! Настало время показать нашу доблесть.

Любо было видеть, как, скинув свои плащи, прокаженные поднялись на больных ногах, отдувались, кричали, потрясая костылями; тот грозит, этот ворчит. Но противно было Тристану бить их. Сказители утверждают, что он убил Ивена.

Так говорить непристойно. Нет, он слишком доблестен, чтобы убивать такое отродье. Не он, а Горвенал, отломив крепкий дубовый сук, ударил им по черепу Ивена; черная кровь брызнула и потекла по всему телу, вплоть до искривленных ног.

Тристан отбил королеву, впредь ей больше никакого зла не будет. Он разрезал веревки, связывавшие ее руки; и, покинув равнину, они углубились в лес Моруа. Там, в густой чаще, Тристан почувствовал себя в безопасности, как за стеной крепкого замка.

Когда солнце склонилось, они остановились, все трое, у подножия горы. Страх утомил королеву; она опустила свою голову на грудь Тристана и заснула.

Наутро Горвенал похитил у одного лесничего лук и две хорошо оперенные зубчатые стрелы и отдал Тристану – хорошему стрелку, который подстерег косулю и убил ее. Горвенал набрал груды сухих сучьев, достал огнивом искру и зажег большой костер, чтобы изжарить дичь, а Тристан нарубил ветвей, устроил шалаш и покрыл его листвою; Изольда густо устлала его травой. Тогда в глубине дикого леса началась для беглецов жизнь суровая, но милая им.

Глава IX. Лес Моруа

В глуби глухого леса с великим трудом, словно преследуемые звери, они бродят и редко осмеливаются к вечеру возвратиться на вчерашний ночлег. Питаются они только мясом диких зверей, вспоминая с сожалением о вкусе соли и хлеба. Их изможденные лица побледнели; одежда, раздираемая шипами, превращается в лохмотья. Они любят друг друга – и не страдают.

Однажды, когда они скитались по большим лесам, никогда не знавшим топора, случайно они набрали на хижину отшельника Огрин. На солнце в кленовой роще, вблизи своей часовни, прогуливался тихими шагами старик, опираясь на посох.

– Сеньор Тристан! – воскликнул он. – Узнай, какой великой клятвой поклялись жители Корнуэльса. Король велел объявить во всех приходах: кто тебя поймает, получит в награду сто марок золотом. И все бароны поклялись выдать тебя живым или мертвым. Покайся, Тристан! Бог прощает грешников.

– Раскаяться мне, друг Огрин? В каком преступлении? Ты, который нас судишь, знаешь ли ты, какое зелье мы испили на море? Да, славный напиток нас опьянил, и я предпочел бы скорее нищенствовать всю мою жизнь по дорогам и питаться травами и корнями вместе с Изольдой, чем без

нее быть королем славного государства.

– Да поможет тебе Господь, сеньор! ибо ты погиб и для этого света, и для будущего. Изменника своему господину следует разорвать на части двумя конями, сжечь на костре, и там, где пал его пепел, трава больше не растет, и пахота на том месте без пользы, там гибнут и деревья, и злаки. Тристан, отдай королеву тому, кто сочетался с ней браком по римскому закону!

– Она более не принадлежит ему: он отдал ее своим прокаженным; у прокаженных я ее и отнял. Теперь она навсегда моя; расстаться с ней я не могу, как и она со мной.

Огрин присел, у его ног Изольда плакала, склонив голову на колени человека, принявшего на себя страду во имя Божие.

Отшельник повторял ей святые слова Евангелия, но, обливаясь слезами, она качала головой и не хотела ему верить.

– Увы, – сказал Огрин, – как утешить мертвых? Покайся, Тристан, ибо человек, живущий в грехе без раскаяния, мертв.

– Нет, я живу и не раскаиваюсь. Мы вернемся в лес, который дает нам приют и нас охраняет. Пойдем, Изольда, до рога!

Изольда поднялась. Они взяли за руки и вступили в высокие травы; вереск, деревья сомкнули за ними свои ветви, и они исчезли за листвой.

Послушайте, добрые люди, о славном приключении. Три-

стан воспитал собаку-ищейку, красивую, живую, легкую на бегу; ни у одного графа, ни у одного короля нет ей равной для охоты с луком. Звали ее Хюсден. Пришлось запереть собаку в башне, навязав ей на шею чурку. С того дня, как она не видела более своего хозяина, она отказывалась от всякой пищи, рыла лапами землю, в глазах ее были слезы, она выла. Многим стало ее жалко.

– Хюсден, – говорили они, – ни одно животное не умело так преданно любить, как ты. Да, мудро изрек Соломон: «Преданный мне друг – это моя борзая».

И король Марк, вспоминая о прошлых днях, думал в своем сердце: «Большой ум у этой собаки, что она так плачет по своему хозяину; есть ли кто в Корнуэльсе, кто бы стоил Тристана?»

Три барона пришли к королю:

– Белите, государь, отвязать Хюсдена: мы узнаем, от тоски ли по своему хозяину собака так сучает. Если нет, то, когда ее отвяжут, вы увидите, как она будет бросаться, с раскрытой пастью и высуня язык, на людей и животных, стараясь укусить их.

Ее отвязали. Она выскочила из двери и побежала в комнату, где прежде находила Тристана. Она рычит, воеет, ищет – напала, наконец, на след своего хозяина. Шаг за шагом пробегает она по дороге, которой Тристан шел к костру. Все следуют за ней. Громко таякая, она лезет на утес. Вот она в часовне, вскочила на алтарь, внезапно прыгает из окна, падает

у подошвы скалы, снова находит след на берегу, останавливается на мгновение в цветущей роще, где прятался в засаде Тристан, затем направляется к лесу. Нет никого, кто бы, видя это, ее не пожалел.

– Государь, – сказали тогда рыцари, – не надо следовать за нею: она, пожалуй, заведет нас в такое место, откуда трудно будет и выбраться.

Они оставили ее и вернулись. Достигнув леса, собака огласила его своим лаем. Издалека слышали его Тристан, королева и Горвенал: «Это Хюсден!» Они испугались: наверно, король их преследует; он, должно быть, напустил на них ищеек, как на диких зверей. Они углубились в чащу. На опушке, с натянутым пуком, стал Тристан, но когда Хюсден увидел и признал своего хозяина, он прыгнул прямо к нему, вертя головой и хвостом, выгибая спину, свиваясь кольцом. Затем он подбежал к белокурой Изольде, к Горвеналу, приласкался и к коню.

Тристан сильно опечалился:

– Увы! Какое горе, что он нас нашел! Что может поделаться с собакой, которая не умеет быть спокойной, преследуемый человек? По равнинам и лесам, по всей своей земле ищет нас король; Хюсден выдаст нас своим лаем. Увы, ведь из любви и по природному благородству пришла моя собака искать смерти! Нам следует, однако, остерегаться. Что делать!? Посоветуйте мне. Погладив Хюсдена, Изольда сказала:

– Пощади его! Мне пришлось слышать об одном уэль-

ском леснике, который приучил свою собаку бегать без лая по кровавому следу раненых оленей. Вот была бы радость, дорогой Тристан, если бы удалось, потрудившись, выучить тому и Хюсдена.

Он задумался на мгновение, меж тем как собака лизала руки Изольде. Сжалился Тристан и говорит:

– Попытаюсь, уж слишком тяжело мне убивать его.

Вскоре Тристан пошел на охоту, выгнал лань и ранил ее стрелой. Собака хочет броситься по следам лани и лает так громко, что оглашается лес. Тристан ударом заставляет ее замолчать; Хюсден поднимает глаза на своего господина; он удивлен, не смеет больше лаять и не идет по следу. Тогда Тристан кладет его у своих ног, затем бьет себя по сапогу каштановым прутом, как то делают охотники, чтобы науськать собаку. Видя это, Хюсден хочет снова залаять, и Тристан наказывает его. Не прошло и месяца, как, школя собаку таким образом, он научил ее охотиться молча: когда, бывало, он ранит стрелой косулю или лань, Хюсден, никогда не подавая голоса, выслеживает ее по снегу, льду или траве. Если он настигал зверя в лесу, то отмечал то место, притаскивая туда ветви; если заставлял его на лугу, то покрывал травой тушу и возвращался без лая за своим хозяином. Прошло лето, наступила зима. Любящие жили, приютясь в пещере, и на земле, отвердевшей от мороза, ледышки щетинили их ложе из опавших листьев. Ни он, ни она не чувствовали горя – такова была сила любви. Но когда вернулось светлое время го-

да, они построили под большими деревьями шалаш из зазеленевших ветвей. Тристан с детства умел искусно подражать пению лесных птиц, он подражал то иволге, то синице, то соловью или другому пернатому, и порой на ветвях шалаша множество птиц, прилетевших на его призыв, распевали, назобившись, свои песни в сиянии дня. Любящие не бродили более по лесу и не скитались беспрестанно, ибо ни один барон не отваживался их преследовать, зная, что Тристан повесил бы его на ветвях дерева.

Случилось, однако, что один из четырех предателей, Генелон, – да будет проклят он Богом! – увлеченный охотой, осмелился забрести в лес Моруа. В то утро на опушке леса, в глубоком овраге, Горвенал, расседлав своего коня, пустил его пастись на молодой траве; поблизости, под навесом из ветвей, на груди цветов и зелени покоился Тристан, крепко обняв королеву, и оба спали.

Внезапно Горвенал слышал лай своры: собаки мчались, выгоняя оленя, который бросился в овраг. Вдали на лугу показался охотник. Горвенал признал его: это был Генедон-барон, которого больше всего ненавидел его господин. Он скакал один, без конюшего, вонзив шпоры в окровавленные бока своего коня и нахлестывая его шею. Спрятавшись за деревом, Горвенал подстерегал его; быстро подъезжает он, медленнее будет возвращаться.

Бот он проезжает. Выскочив из засады, Горвенал хватает его коня под уздцы. Я в одно мгновение припомнив все то

зло, какое сделал этот человек, он валит его с коня, кромсает мечом и удаляется, унося с собой отрубленную голову. Там, под навесом из листьев цветущей зелени, спали, крепко обнявшись, Тристан и королева. Горвенал тихо подошел к ним, в руке у него мертвая голова.

Когда охотники нашли под деревом обезглавленный труп, они так перепугались, как если бы Тристан уже гнался за ними по пятам; они бросились бежать, убоявшись смерти. С тех пор никто уже больше в этом лесу не охотился.

Чтобы порадовать сердце своего господина, когда он проснется, Горвенал привязал голову за волосы к шесту шалаша; густая листва ее обрамляла.

Тристан проснулся и увидел полускрытую ветвями голову, которая глядела на него. Он узнал Генелона и вскочил в испуге. Но его наставник крикнул ему:

– Успокойся, он мертв! Я убил его вот этим мечом. Сын мой, это был твой враг.

И Тристан обрадовался: человек, которого он ненавидел, Генелон, убит.

С тех пор никто не решался проникнуть в дикий лес. Ужас охранял вход в него; любящие – в нем хозяева. Тогда-то смастерил Тристан лук «Без промаха», всегда попадавший в цель, в человека или зверя, в намеченное место.

То было летним днем, добрые люди, в пору жатвы, вскоре после Троицына дня. Птицы пели по росе навстречу утренней заре. Тристан вышел из шалаша, опоясался мечом, сна-

рядил лук «Без промаха» и один отправился в лес на охоту. Прежде чем настанет вечер, великое горе его постигнет. Нет, никогда любящие не любили так сильно и не искупили этого так жестоко!

Когда Тристан вернулся с охоты, утомленный изнуряющим зноем, он обнял королеву.

– Где был ты, дорогой?

– Ходил за оленем, он вконец истомил меня. Смотри, пот с меня течет. Хочу лечь и поспать.

На ложе из зеленых ветвей, устланном свежей травой, первая легла Изольда. Тристан лег возле нее, положив между нею и собой обнаженный меч. На их счастье, они были одеты. У королевы на пальце был золотой перстень с чудным изумрудом, который подарил ей Марк в день их свадьбы. Так спали они, крепко обнявшись, одна рука Тристана была просунута под шею его милой, другою он обнял ее прекрасное тело, но уста их не соприкасались. Ни малейшего дуновения ветерка, ни один листок не шелохнется. Сквозь ветвяную крышу падал луч солнца на лицо Изольды, и оно сияло, как льдинка.

Случилось, что лесник набрел в лесу на место, где трава была помята: накануне там покоились любящие. Он не признал следа их тел, но направился по следу шагов и пришел к их жилищу. Он увидел их спящими, узнал и пустился бежать, боясь грозного пробуждения Тристана. Пробежав две мили, отделявшие лес от Тинтагеля, он поднялся по ступе-

ням в залу, где застал короля, творившего суд среди созванных им вассалов.

– По какому делу явился ты сюда, друг мой? Ты, вижу я, запыхался, точно псарь, долго бегавший за ищейками. Не хочешь ли ты просить, чтобы я рассудил какую-нибудь твою обиду? Кто выгнал тебя из моего леса?

Лесник отвел его в сторону и тихо сказал:

– Я видел королеву и Тристана. Они спали; я испугался.

– В каком месте?

– В шалаше, в лесу Моруа. Они спали в объятиях друг у друга. Поспеши, если хочешь отомстить.

– Иди, жди меня на опушке леса, у подножья Красного Креста. Да не говори никому о том, что ты видел: я тебе дам золота и серебра, сколько захочешь взять.

Лесник отправился и сел у подножия Красного Креста. Да будет проклят доносчик! Но он умрет позорной смертью, как вам сейчас поведаст мой рассказ.

Король велел оседлать своего коня, опоясался мечом и, не сопровождаемый никем, незаметно выехал из города. Когда он ехал один, припомнилась ему ночь, когда поймал он своего племянника: какую нежность выказала тогда к Тристану прекрасная белокурая Изольда! Если он застанет их врасплох, он покарает их за великие грехи, отомстит тем, кто его опозорил. У Красного Креста он нашел лесника:

– Иди вперед, веди меня скоро и прямо.

Их окутала черная тень высоких деревьев. Король следо-

вал за доносчиком, положившись на свой меч, когда-то наносивший славные удары. А что если Тристан проснется? Один Бог ведает, кому из них двоих суждено остаться на месте! Наконец лесник сказал тихо:

– Государь, мы подъезжаем!

Он поддержал ему стремя и привязал коня за уздечку к зеленой яблоне. Они еще приблизились и внезапно на залитой солнцем лужайке увидели цветущий шалаш. Король растегнул свою мантию с зацепками из чистого золота и сбросил ее, открыв свой прекрасный стан. Он вытащил меч из ножен, повторяя в своем сердце, что сам умрет, если не убьет их. Лесник следовал за ним, но король сделал ему знак вернуться.

Он проник в шалаш один, с обнаженным мечом, и уже занес его... Какое будет горе, если он нанесет этот удар! Но он увидел что губы их не соприкасались и обнаженный меч разделял их тела.

– Боже! – сказал он. – Что я вижу? Могу ли я убить их? Они так долго жили в этом лесу, и если бы любили друг друга грешной любовью, разве положили бы этот меч между собой? И разве не знает каждый, что обнаженное лезвие, разделяющее два тела, служит порукой и охраной целомудрия? Если бы они любили друг друга грешной любовью, почивали ли бы они так непорочно? Нет, я их не убью: это было бы большим грехом; и если бы я разбудил этого спящего и один из нас был убит, об этом долго стали бы говорить, и к наше-

му стыду. Но я устрою так, что, проснувшись, они узнают, что я застал их спящими и не пожелал их смерти и что Бог сжалился над ними.

Солнце, проникая в шалаш, палило белое лицо Изольды. Король взял свои рукавицы, опущенные горностаем. «Это она, – вспомнил он, – привезла их мне тогда из Ирландии». Он всунул их в листву, чтобы заткнуть отверстие, через которое падал луч, потом осторожно снял перстень с изумрудом, который подарил королеве: прежде надо было сделать усилие, чтобы надеть его ей на палец, а теперь пальцы ее так похудели, что перстень снялся без труда. Вместо него король надел ей свой, подаренный ему Изольдой. Затем он взял меч, который разделял любящих. Он узнал и его: то был меч, который зазубрился о череп Морольда. Вместо него король положил свой. Выйдя из шалаша, он вскочил в седло и сказал лесничему:

– Беги теперь и спасайся, если можешь!

А Изольде виделось во сне, будто она в богатом шатре среди большого леса. Два льва на нее бросились и дрались из-за нее. Она вскрикнула и проснулась: рукавицы, опущенные белым горностаем, упали ей на грудь. На ее крик Тристан вскочил, хотел схватить свой меч и признал по золотой чашке, что это – меч короля. И королева увидела на своем пальце перстень Марка.

– Горе нам, – воскликнула она, – король нас застал!

– Да, – сказал Тристан, – он унес мой меч; он был один,

испугался и пошел за подкреплением. Он вернется и велит сжечь нас перед всем народом. Бежим!

И большими переходами, сопровождаемые Горвеналом, они устремились к Уэльсу, до границ леса Моруа. Сколько мучений причинила им любовь!

Глава X. Отшельник Огрин

Три дня спустя Тристан долго выслеживал раненого оленя. Наступила ночь, и в темном лесу он задумался: «Нет, во все не из страха пощадил нас король! Он взял мой меч, когда я спал и был в его власти; он мог поразить меня. К чему были подкрепления? Чтобы взять меня живым? Если он желал этого, зачем было, обезоружив меня, оставить мне свой собственный меч? О, я узнал тебя, отец! Не из страха, а из нежности и сострадания ты пожелал простить нас. Простить! Кто бы мог, не унижая себя, простить такой проступок? Нет, он вовсе не простил: он понял. Понял он, что у костра, в прыжке из часовни и в засаде против прокаженных Бог принял нас под свою защиту. Вспомнил он о ребенке, который когда-то играл на арфе у его ног, о моей земле Лоонуа, покинутой для него, о копье Морольда, о крови, пролитой за его честь. Вспомнил он, что я не признал своей вины, но тщетно требовал суда, своего права и поединка, и благородство его сердца склонило его к уразумению того, чего бароны его не понимают. Не то чтобы он знал или когда-нибудь мог узнать правду о нашей любви, но он сомневается, надеется, чувствует, что говорил я неложно; он хочет, чтобы я судом доказал свою правоту. О славный мой дядя, если бы мне с помощью Божьей победить в поединке, добиться мира с тобой и снова для тебя надеть панцирь и шлем! Но что я говорю?!

Он взял бы Изольду... И я бы отдал ее ему?! Было бы лучше, если бы он зарезал меня во сне. Прежде, преследуемый им, я мог его ненавидеть и забыть: он отдал Изольду больным, она была уже не его, она была моей. И вот своим состраданием он пробудил во мне нежность и отвоевал королеву. Королеву!.. у него она была королевой, а в этом лесу она живет как раба. Что сделал я с ее молодостью? Вместо покоев, убранных шелковыми тканями, я ей предоставил этот дикий лес, шалаш вместо роскошного полога; и ради меня идет она по этому страдному пути. О Господи Боже, Царь вселенной, помилуй меня и дай мне силы, чтобы я мог вернуть Изольду королю Марку! Разве не его она жена, повенчанная с ним по закону римской церкви перед всей знатью его страны?»

Опершись на свой лук, Тристан долго тосковал в ночи.

В чаще, окруженной забором из терновника, которая служила им убежищем, белокурая Изольда ждала возвращения Тристана. При свете месяца она увидела сияющий на ее пальце золотой перстень, который надел Марк. Она подумала: «Кто подарил мне так великодушно этот золотой перстень? Не тот разгневанный человек, который отдал меня прокаженным, – нет! Это тот сострадательный государь, который принял меня и покровительствовал мне с того дня, как я явилась в его страну. Как любил он Тристана! Но я пришла – и что я сделала? Тристану подобало жить во дворце короля с сотней юношей, его дружиной, которые служили бы ему, чтобы достигнуть рыцарского звания; ему следовало разЪ-

езжать по замкам и баронствам, ища себе прибыли и подвигов. Из-за меня забыл он рыцарское дело, изгнан от двора, преследуем по лесу, ведет эту дикую жизнь...»

Она услышала шаги Тристана, ступавшего по листьям и сухим ветвям; вышла по обыкновению к нему навстречу, чтобы снять с него оружие, взяла из его рук лук «Без промаха» и стрелы и развязала привязи меча.

– Дорогая, это меч короля Марка, – сказал Тристан. – Он должен был убить нас – он нас пощадил.

Изольда взяла меч, поцеловала его в золотую чашку, и Тристан увидел, что она плачет.

– Дорогая, – сказал он, – если бы только я мог примириться с королем Марком! Если бы он позволил мне доказать поединком, что никогда ни на деле, ни на словах я не любил тебя преступной любовью! Всякий рыцарь от Лидана до Дургамы, который бы осмелился мне противоречить, нашел бы меня вооруженным для боя. А потом, если бы король согласился удержать меня в своей дружине, я послужил бы ему к великой его славе, как своему господину и отцу; а если бы он предпочел удалить меня, оставив тебя у себя, я направился бы к фризам или в Бретань в сопровождении одного только Горвенала. Но куда бы я ни пошел, я всегда останусь твоим, королева. Я не думал бы об этой разлуке, Изольда, если бы не жестокая нужда, которую ты, моя прекрасная, терпишь из-за меня так долго в этих пустынных местах.

– Вспомни, Тристан, об отшельнике Огрине, что живет в

своей рощице. Вернемся к нему, дорогой, и да смилуется над нами всемогущий Царь небесный!

Они разбудили Горвенала. Изольда села на коня, которого Тристан повел под уздцы. И всю ночь они шли в последний раз по любимым лесам, не говоря ни слова.

Утром они отдохнули, затем снова пустились в путь, пока не достигли хижины отшельника. На пороге часовни Огрин читал книгу. Он их заметил издали и ласково приветствовал их:

– Друзья, любовь, гонит вас из одного горя в другое. Долго ли будет продолжаться ваше безумие? Соберитесь с духом, раскайтесь, наконец!

– Послушай, сеньор Огрин, – промолвил Тристан, – помоги нам примириться с королем. Я отдам ему королеву. Сам я уйду далеко, в Бретань или к фризам, и если когда-нибудь король согласится принять меня к себе, я возвращусь и стану служить ему, как должно.

Склоняясь к ногам отшельника, Изольда сказала, печальясь, в свою очередь:

– Я не буду более так жить. Я вовсе не говорю, будто раскаиваюсь в том, что любила Тристана: я люблю его и теперь и всегда буду его любить. Но по крайней мере телесно мы навсегда будем разлучены.

Отшельник пролил слезы и взмолился к Господу:

– Боже славный, всемогущий! Благодарю Тебя, что Ты продлил мне жизнь настолько, чтобы прийти им на помощь.

Он дал им мудрые советы, потом взял чернила и пергамент и написал послание, в котором Тристан предлагал королю примирение. Когда он написал все слова, которые Тристан говорил ему, Тристан запечатал пергамент своим перстом.

– Кто отнесет это послание? – спросил отшельник.

– Я отнесу его сам.

– Нет, сеньор Тристан, ты не пойдешь в этот опасный путь; я пойду за тебя. Я хорошо всех знаю в замке.

– Полно, сеньор Огрин. Королева останется в твоей хижине; когда смеркнется, я сам поеду с моим конюшим, который посторожит моего коня.

Когда темная ночь сошла на лес, Тристан пустился в путь с Горвеналом. у ворот Тинтагеля он оставил его. На стенах дозорщики перекликались звуками рожков.

Он спустился в ров, прошел по городу с опасностью для жизни, перескочил, как бывало, через острый часток кол сада, снова увидел мраморное крыльцо, ручей, большую сосну и приблизился к окну, за которым спал король. Он его тихо окликнул. Марк проснулся.

– Кто зовет меня ночью в такой час?

– Это я, Тристан. Государь, приношу вам послание, я оставляю его на решетке окна. Белите прикрепить ваш ответ к перекладине Красного Креста.

– Ради Бога, милый племянник, подожди меня! Король бросился к порогу и трижды прокричал в ночь:

– Тристан! Тристан! Тристан, сын мой! Но Тристан был уже далеко. Он нашел своего конюшего и легко вскочил в седло.

– Безумец! – сказал Горвенал. – Торопись, поспешим по этой дороге.

Они доехали, наконец, до хижины, где нашли поджидавших их – отшельника за молитвой и Изольду в слезах.

Глава XI. Опасный Брод

Марк велел разбудить своего капеллана и подал ему письмо. Капеллан взломал печать и сначала приветствовал короля от имени Тристана, затем, искусно разобрав написанные слова, сообщил ему, что писал ему Тристан. Марк слушал, не говоря ни слова и радуясь в своем сердце, ибо он еще любил королеву. Он созвал нарочно самых знатных своих баронов, и когда все собрались и умолкли, король сказал:

– Я получил это послание, сеньоры. Я ваш король, вы мои ленники. Послушайте, что мне пишут, потом посоветуйте мне – я этого требую от вас, ибо вы обязаны мне советом.

Капеллан встал, обеими руками развязал послание и, стоя перед королем, заговорил:

– Сеньоры! Тристан шлет вначале привет и любовь королю и всем его баронам. «Король, – прибавляет он, – когда я убил дракона и добыл дочь ирландского короля, она была выдана мне; в моей власти было оставить ее для себя, но я этого не пожелал, а привез ее в твою страну и тебе ее отдал. Но лишь только ты взял ее себе в жены, клеветники заставили тебя поверить их наветам. В своем гневе ты хотел, славный дядя и государь, сжечь нас без суда, но Господь сжалился над нами: мы умолили Его. Он спас королеву, и это было праведно; я также спасся помощью всемогущего Бога, бросившись с высокой скалы. Что же такое свершил я с тех пор,

за что меня можно было бы укорить? Королева была отдана больным; я явился, чтобы отбить ее, и ее увез: мог ли я не помочь в такой нужде той, которая, будучи невинной, чуть не погибла из-за меня? Я бежал с ней в леса. Имел ли я возможность выйти из леса и спуститься в равнину, чтобы отдать вам королеву? Не был ли дан вами приказ взять нас живыми или мертвыми? Но и теперь, как прежде, я готов вызвать на поединок любого бойца, чтобы доказать, что ни королева ко мне, ни я к королеве не питали любви, которая была бы вам оскорблением. Назначьте поединок: я не отказываюсь ни от какого противника. И если я не смогу доказать, что я прав, сожгите меня перед лицом ваших подданных. Если я одержу победу и вы захотите снова взять к себе светлолицую Изольду, ни один из ваших баронов не послужит вам лучше меня. Если же, напротив, вам моя служба не по сердцу, я уеду за море и предложу свои услуги королю Гавау или королю фризов, и вы никогда более не услышите обо мне. Обдумайте это, государь. И если вы не придете ни к какому соглашению, я увезу Изольду в Ирландию, откуда ее добыл: она будет царствовать в своей стране».

Все бароны Корнуэльса, услышав, что Тристан предлагает им поединок, заявили королю:

– Прими королеву, государь! Безумны те, которые оклеветали ее перед тобой. Что до Тристана, то пусть уйдет, как он предлагает, воевать в Гавау или к королю фризов. Вели привести Изольду в назначенный день, да поскорее.

Трижды спросил король:

– Не встанет ли кто, чтобы обвинить Тристана? Все молчали. Тогда он сказал капеллану:

– Напиши письмо как можно скорее, ты слышал, о чем в нем нужно говорить. Скорее пиши его: уж слишком много выстрадала Изольда в свои юные годы! И пусть хартию еще до вечера прикрепят к перекладине Красного Креста. Скорее!

И он прибавил:

– Прибавь еще, что я шлю им обоим привет и любовь.

Около полуночи Тристан прошел через Белую Поляну, нашел письмо и принес его, запечатанное, отшельнику Оггину. Отшельник прочел ему послание. Марк соглашался по совету своих баронов принять Изольду, но не желал оставить Тристана на своей службе: придется ему уехать за море через три дня после того, как он передаст королеву в руки Марку у Опасного Брода.

– Боже! – сказал Тристан. – Какое горе потерять тебя, дорогая! Но это необходимо, ибо теперь я могу избавить тебя от муки, которую ты выносила из-за меня. Когда настанет время разлуки, я тебе дам подарок – залог моей любви; из неизвестной страны, куда направлюсь, я пошлю тебе посланца. Он мне передаст твое желание, дорогая, и при первом зове я примчусь издалека.

Изольда вздохнула и сказала:

– Оставь мне Хюсдена, твою собаку, Тристан. Никогда ни-

какая самая дорогая ищейка не будет холена с большей почестью. Глядя на нее, я буду вспоминать тебя, и это облегчит мою печаль. Есть у меня перстень из зеленой яшмы – возьми его из любви ко мне, носи его на пальце. А если когда-нибудь посланец станет утверждать, что он явился от твоего имени, я ему не поверю, что бы он ни делал и ни говорил, пока не покажет мне этот перстень; но лишь только я его увижу, никакая власть, никакой королевский запрет не помешает мне сделать то, о чем ты меня попросить, будет ли то мудро или безумно.

– Я отдаю тебе Хюсдена, милая.

– Милый, прими в замену этот перстень. И оба поцеловали друг друга в уста.

Оставив любящих в хижине, Огрин направился, опираясь на костыль, в Мон. Он закупил там горностаю и других мехов, шелковых тканей, пурпура, парчи, сорочку белее лилии, сверх того иноходца в золотой сбруе, который шел плавной поступью. Люди смеялись над Огрином, видя, как тратит он деньги, накопленные за долгие годы, на такие странные и дорогие покупки. Но старик нагрузил на коня богатые ткани и возвратился к Изольде.

– Твое платье, королева, обратилось в лохмотья. Прими эти подарки, чтобы быть прекраснее в тот день, когда ты отправишься к Опасному Броду. Боюсь только, что они тебе не понравятся: я ведь неопытен в выборе женских нарядов.

Между тем король велел провозгласить по Корнуэльсу,

что через три дня у Опасного Брода он примирится с королевой. Дамы и рыцари толпой явились на это собрание: всем хотелось снова увидеть королеву Изольду. Все ее любили, кроме трех предателей, которые еще оставались в живых. Но один из них умрет от меча, другой будет пронзен стрелой, третий утоплен, а что до лесника, то его убьет в лесу ударами палки честный Перинис Белокурый. Так Господь, ненавидящий всякое неистовство, отомстит за любящих их врагам.

В назначенный для собрания день у Опасного Брода весь луг сиял, изукрашенный и расцвеченный богатыми шатрами баронов. Тристан ехал с Изольдой по лесу. Опасаясь засады, он надел под лохмотья свой панцирь. Внезапно оба появились на опушке леса и увидели вдали среди баронов короля Марка.

– Милая, – сказал Тристан, – вот король, твои властитель, его рыцари и слуги; они приближаются к нам, через мгновение нам нельзя будет говорить друг с другом. Заклинаю великим и всемогущим Богом, исполни то, о чем я тебя прошу, если когда-нибудь я пришлю к тебе посланца.

– Милый Тристан, лишь только я увижу перстень из зеленой яшмы, ни башни, ни стены, ни крепкий замок не помешают мне исполнить волю моего друга.

– Да вознаградит тебя Господь, Изольда!

Их кони шли рядом; он привлек ее к себе и сжал в объятиях.

– Дорогой мой, – сказала Изольда, – выслушай мою по-

следнюю просьбу. Скоро ты покинешь эту страну. Погоди же несколько дней, спрячься и не уезжай, пока не узнаешь, как со мной обойдется король, гневно или ласково. Я одна: кто защитит меня от предателей? Я боюсь. Лесник Орри тебя тайно приютит. Прокрадись ночью к разрушенному подвалу, я пошлю туда Периниса сказать тебе, если со мной станут обращаться дурно.

– Никто не посмеет этого, дорогая. Я спрячусь у Орри. Если кто тебя оскорбит, пусть боится меня, как самого нечистого.

Обе стороны приблизились друг к другу настолько, чтобы обменяться приветом. На расстоянии выстрела из лука перед своими людьми бодро ехал король, вместе с ним Динас из Лидана.

Когда бароны подъехали к Тристану, он, держа под уздцы коня Изольды, приветствовал короля и сказал:

– Государь, возвращаю тебе белокурую Изольду. Перед людьми твоей земли я прошу тебя позволить мне защитить себя в виду твоего двора. Я не подвергался еще суду. Дай мне оправдаться поединком: если я буду побежден жги меня в сере, если же я одержу победу – оставь меня при себе, а не хочешь – я уйду в дальние страны.

Никто не принял вызова Тристана. Тогда Марк, в свою очередь, взял под уздцы иноходца Изольды и, передав его Динасу, отошел в сторону, чтобы держать совет.

Обрадованный Динас оказал королеве всяческий почет и

внимание. Он снял с нее роскошную мантию алой парчи, и ее нежное тело предстало в тонкой тунике и длинном шелковом блию. Улыбнулась королева, вспомнив о старом отшельнике, который не пожалел для нее своих денег. На ней было богатое платье, стан ее был изящен, глаза блестели, волосы были светлы, как солнечные лучи. Когда увидели ее предатели, прекрасную, чтимую, как встарь, – раздраженные, они подъехали к королю. 6 это время один из баронов, Андре де Николь, старался убедить его:

– Государь, – говорил он, – оставь Тристана при себе, из-за него тебя более будут страшиться.

Понемногу он смягчил сердце короля, но предатели, подъехав, сказали:

– Послушайся, государь, совета, который мы даем тебе по чести. Королева была оклеветана понапрасну, мы это признаем. Но если Тристан и она возвратятся вместе к твоему двору, снова станут говорить об этом. Пусть лучше Тристан удалится на некоторое время; когда-нибудь ты, без сомнения, призовешь его снова.

Марк так и поступил: он велел передать Тристану через своих баронов, чтобы тот удалился немедленно.

Тогда Тристан подошел к королеве и стал с ней прощаться. Они взглянули друг на друга, и королева, застыдившись при людях, покраснела.

А короля взяла жалость, и он в первый раз обратился к племяннику:

– Куда пойдешь ты в таких лохмотьях? Возьми в моей казне, что тебе будет угодно: золота, серебра, разных мехов.

– Государь, – ответил Тристан, – не возьму я ни гроша, ни полушки. Пойду послужу с великой радостью славному королю фризов, как смогу.

Он повернул коня и направился к морю. Изольда следила за ним взглядом и не отворачивалась, пока могла видеть его издали.

При известии о примирении стар и млад, мужчины, женщины и дети, выбежали толпой из города навстречу Изольде; сильно сокрушаясь об изгнании Тристана, они радостно приветствовали вернувшуюся к ним королеву.

При звоне колоколов по улицам, усыпанным тростниками и изукрашенным шелковыми тканями, король, графы и принцы сопровождали ее. Ворота дворца были отперты для всякого проходящего: богатые и бедные могли садиться и пировать; и, чтобы хорошенько отпраздновать этот день, король Марк отпустил на волю сто рабов и посвятил в рыцари двадцать конюших, вручив им собственноручно меч и панцирь.

Между тем с наступлением ночи Тристан, согласно обещанию, данному им королеве, прокрался к леснику Орри, который тайно приютил его в разрушенном подвале.

Глава XII. Суд раскаленным железом

Вскоре Деноален, Андрет, и Гондоин сочли себя в безопасности: без сомнения, думали они, Тристан влачит свою жизнь за морем, в стране, слишком отдаленной, чтобы он мог до них добраться. И вот однажды на охоте, когда король, прислушиваясь к лаю своей своры, придержал на поляне своего коня, они все трое подъехали к нему:

– Король, выслушай нашу речь. Ты раньше приговорил королеву без суда это было против закона; теперь ты оправдал ее без суда – опять же это против закона. Ведь она так и не оправдалась; и бароны твоей страны осуждают вас обоих. Посоветуй ей лучше, чтобы она сама потребовала Божьего суда: что ей стоит, невинной, поклясться на мощах святых, что она ни разу не согрешила. Что ей стоит, невинной, подержать в руках раскаленное железо? Так требует обычай; этим легким искусом навсегда рассеялись бы старые подозрения.

Возмущенный Марк ответил:

– Да покарает вас Господь, корнуэльские сеньоры, за то, что вы беспрестанно домогаетесь моего позора! Из-за вас изгнал я своего племянника. Чего требуете вы еще? Чтобы я изгнал королеву в Ирландию? Какие у вас жалобы? Разве Тристан не предлагал защитить ее от старых наветов? Чтобы

оправдать ее, он сделал вызов, и вы слышали его все. Вы от меня требуете, сеньоры, свыше должного. Бойтесь же, чтобы я снова не призвал сюда человека, изгнанного из-за вас.

Задрожали тогда трусы: им уже представилось, что Тристан вернулся и сейчас выпустит всю кровь из их тел.

– Мы, государь, дали вам совет для вашей же чести, как подобает вашим ленникам; но отныне мы будем молчать. Забудьте ваш гнев, даруйте нам снова вашу милость.

Марк приподнялся в седле:

– Вон из моей земли, предатели! Не будет вам больше милости! Ради вас я изгнал Тристана, а теперь ваша очередь: вон из моей земли!

– Хорошо, государь. Замки наши крепки, с надежным частоколом, на неприступных скалах. И, не попрощавшись с ним, они повернули коней.

Не дождав ни ищеек, ни охотников, Марк погнал своего коня к Тинтагелю, поднялся по ступеням в залу, и королева услышала, как отдавались по плитам его торопливые шаги.

Она встала, пошла ему навстречу, взяла у него по обыкновению меч и поклонилась до земли. Марк удержал ее за руки и хотел ее поднять; в эту минуту

Изольда, устремив на него взгляд, увидела, что его благородные черты искажены гневом: таким видела она его, бешеного, перед костром.

«О, моего друга нашли, – подумала она. – Король схватил его!» Сердце ее похолодело в груди, она безмолвно упала к

ногам короля. Он обнял ее и нежно поцеловал.

Постепенно она пришла в чувство.

– Дорогая, что тебя мучит?

– Мне страшно, государь: вы в таком гневе!

– Да, я вернулся разгневанный с охоты.

– Если вас раздражили ваши охотники, стоит ли принимать к сердцу неудачи охоты?

Марк улыбнулся при этих словах.

– Нет, дорогая, не охотники меня раздражили, а эти три предателя, которые нас издавна ненавидят. Ты их знаешь: Андрет, Деноален и Гондоин. Я их изгнал из своей земли.

– Что худое осмелились они сказать против меня, государь?

– Какое тебе дело? Я их изгнал.

– Всякий вправе высказать свою мысль, государь: и я вправе узнать, в чем меня обвиняют. И от кого, кроме вас, узнать мне об этом? Я одинока в этой чужой стране; у меня нет никакого защитника, кроме вас, государь.

– Будь по-твоему. Они полагают, что тебе следует оправдаться перед судом искусом на раскаленном железе. «Подобало бы самой королеве потребовать такого суда, – говорили они. – Этот искус легок для того, кто уверен в своей невинности. Что ей стоит подвергнуться этому? Господь – справедливый судья, Он рассеет навсегда старые наветы». Вот что они предлагали. Но оставим все это; я их изгнал, говорю тебе.

Изольда содрогнулась; она взглянула на короля.

– Государь, прикажи им вернуться к твоему двору. Я оправдаю себя клятвой.

– Когда?

– На десятый день.

– Срок очень близок, дорогая.

– Наоборот, он слишком далек. Но я прошу вас до его наступления пригласить короля Артура с Говеном, Жирфлетом, сенешалом Кеем и ста рыцарями; пусть явятся к границе вашей земли, на Белую Поляну, к берегу реки, что разделяет ваши владения. Там, перед ними, хочу я произнести клятву, а не перед одними вашими баронами, потому что иначе не успею я поклясться, как они потребуют, чтобы вы наложили на меня еще новый искуc, и наши муки никогда не кончатся. Но они не решатся на это, если поручителями за суд будут Артур и его рыцари.

Между тем как глашатаи, посланные Марком, спешили к королю Артуру, Изольда тайком отправила к Тристану своего верного слугу Периниса Белокурого.

Перинис бежал по лесу, избегая торных тропинок, пока не достиг хижины лесника Орри, где давно дожидался его Тристан. Перинис сообщил ему о случившемся, о новом коварстве, о назначенном сроке, часе и месте суда.

– Моя госпожа просит вас, чтобы вы были в назначенный день на Белой Поляне, так искусно нарядившись паломником, чтобы никто не мог вас узнать, и без оружия. Чтобы до-

браться до места суда, ей надо переправиться через реку в челноке; ждите ее на противоположном берегу, где будут рыцари короля Артура. Тогда, без сомнения, вы сможете оказать ей помощь. Моя госпожа страшится дня суда, но полагается на милость Господа, сумевшего вырвать ее из рук прокляженных.

– Возвратись к королеве, мой славный, дорогой друг Перинис, и скажи ей, что я исполню ее волю.

Так вот, добрые люди, когда Перинис возвращался в Тинтагель, случилось ему заметить в чаще того самого лесничего, который застал спавших любовников и выдал их королю. Однажды во хмелю он похвастался своим предательством. Вырыв в земле глубокую яму, он искусно прикрывал ее ветвями, чтобы ловить волков и кабанов. Когда он увидел, что слуга королевы устремился на него, он хотел бежать, но Перинис прижал его к краю ловушки:

– Зачем бежать тебе, доносчик, предатель королевы? Остайся здесь, у могилы, которую сам потрудился себе вырыть.

Его палка со свистом закружилась в воздухе. Палка и череп разбились одновременно, и Перинис Белокурый, Верный, столкнул ногой тело лесничего в прикрытую ветвями яму...

В назначенный для суда день король Марк, Изольда и корнуэльские бароны, доехав до Белой Поляны, появились у реки в прекрасном строе, и собравшиеся вдоль другого берега

рыцари Артура приветствовали их своими блестящими знаменами.

Перед ними, сидя на откосе, протягивал деревянную чашку для подаяний жалкий паломник. Завернувшись в увешанный раковинами плащ¹⁰, он просил милостыню крикливым и унылым голосом.

Люди корнуэльцев приближались на веслах. Когда они готовились пристать, Изольда спросила рыцарей:

– Как мне, сеньоры, ступить на твердую почву, не замарав в грязи моей длинной одежды? Надо бы, чтобы мне помог какой-нибудь перевозчик.

Один из рыцарей окликнул паломника.

– Друг, подбери свой плащ, сойди в воду да перенеси королеву, если не боишься упасть на полпути: я вижу, ты очень немощен.

Тот взял королеву на руки. Она сказала ему тихо: «Милый!», а потом так же тихо: «Упади на песок».

Достигнув берега, он споткнулся и упал, крепко обнимая королеву. Конюшие и моряки, схватив весла и багры, хотели накинуться на бедняка.

– Оставьте его, – сказала королева, – он, видно, ослабел от долгого паломничества.

Перед шатром Артура на зеленой траве постлана была богатая шелковая ткань из Никеи, и на нее были положены мо-

¹⁰ Возвращаясь из Святой Земли, паломники украшали свои шляпы или плащи раковинами в знак того, что переправлялись через море.

щи святых, извлеченные из ковчежцев и рак. Их охраняли Говен, Жирфлет и сенешал Кей. Помолившись Богу, королева сняла драгоценности с рук и шеи и раздала их бедным нищим, скинула свою пурпурную мантию и тонкое покрывало и отдала их; отдала также сорочку, блию и башмаки, усыпанные драгоценными камнями. Она оставила на теле только тунику без рукавов и с обнаженными руками и ногами предстала перед обоими королями. Вокруг бароны смотрели на нее молча и плакали. Возле мощей горел костер. Дрожа, протянула она правую руку к мощам святых и сказала:

– Короли Логрии и Корнуэльса, сеньоры Говен, Кей, Жирфлет и вы все, будьте моими поручителями: я клянусь этими святыми мощами и всеми святыми мощами на свете, что ни один человек, рожденный от женщины, не держал меня в своих объятиях, кроме Марка, моего повелителя, да еще этого бедного паломника, который только что упал на ваших глазах. Годится ли такая клятва, король Марк?

– Да, королева. Пусть же Господь явит свой правый суд!

– Аминь! – сказала Изольда.

Она приблизилась к костру, бледная, шатаясь. Бее молчали. Железо было накалено. Она погрузила свои голые руки в уголья, схватила железную полосу, прошла десять шагов, неся ее, потом, отбросив ее, простерла крестообразно руки, протянув ладони, и все увидели, что тело ее было здорово, как слива на дереве. Тогда из всех грудей поднялся благодарственный клик Господу.

Глава XIII. Трели соловья

Когда, войдя в хижину лесника Орри, Тристан отбросил свой посох и снял паломнический плащ, он ясно понял в своем сердце, что настал день сдержать данную королю Марку клятву и удалиться из корнуэльской земли. Чего он еще медлит? Королева оправдалась, король ее боготворит и почитает; Артур, если бы она была в нужде, взял бы ее под свою защиту, и отныне ни одна клевета не восторжествовала бы над нею. К чему дольше блуждать по окрестностям Тинтагеля? Он этим тщетно подверг бы опасности свою жизнь, жизнь лесника и спокойствие Изольды. Разумеется, надо уехать. В одежде паломника на Белой Поляне он в последний раз ощутил прекрасное тело Изольды в своих объятиях. Три дня еще он медлил, не будучи в состоянии оторваться от края, где жила королева. Но когда наступил четвертый день, он попрощался с лесничим, приютившим его, и сказал Горвеналу:

– Дорогой мой наставник, наступил час отправиться в далекий путь; мы поедем в Уэльс.

Ночью, печальные, они пустились в путь. Дорога пролегла мимо сада, окруженного частоколом, где когда-то Тристан поджидал свою возлюбленную. Ночь сияла ясная. На повороте дороги недалеко от изгороди он увидел могучий ствол высокой сосны, выделявшейся на светлом небе.

– Обожди меня у ближайшего леса, дорогой наставник, я

скоро вернусь.

– Куда идешь ты? Безумец, ты без устали ищешь смерти!

Но Тристан уверенным прыжком уже перескочил частокол. Он подошел к высокой сосне близ водоема из белого мрамор. К чему бросать теперь в воду искусно нарезанные стружки? Изольда больше не придет! Легкими, осторожными шагами отважился он приблизиться к замку по тропинке, по которой некогда приходила к нему королева.

В опочивальне в объятиях уснувшего Марка бодрствовала Изольда. Внезапно в открытое окно, где играли лучи месяца, влетели трели соловья. Изольда слушала звонкий голос, зачаровывавший ночь; она встала, такая печальная, что не нашлось бы на свете столь жестокого сердца, сердца убийцы, которое не сжалилось бы над ней. Королева задумалась: откуда этот напев?

Вдруг она поняла: «О, это Тристан! Так в лесу Моруа подражал он певчим птицам, чтобы повеселить меня. Он уезжает, и это его последнее прощанье! Как он печалуется! Таков соловей, когда на исходе лета он прощается с ним в великой печали. Никогда более, дорогой, не услышу я твоего голоса!»

Трель зазвучала еще более страстная.

– О, чего требуешь ты? Чтобы я пришла? Нет, вспомни об отшельнике Огрине и о данной нами клятве. Умолкни, нас сторожит смерть! Но что смерть?! Ты меня зовешь, ты меня хочешь – я иду!

Она высвободилась из объятий короля, накинула на почти

обнаженное тело плащ, подбитый серым мехом. Ей надо было пройти соседнюю залу, где каждую ночь десять рыцарей сторожили поочередно; в то время как пятеро спали, другие пятеро, вооруженные, стояли у дверей и окон, высматривая, нет ли чего снаружи. Но случилось так, что все они заснули, – пятеро на постелях, пятеро на полу. Изольда перешагнула через их раскинувшиеся тела, подняла засов двери, кольцо зазвенело, не разбудив никого из дозорщиков. Она переступила порог, и певец умолк.

Безмолвно под деревьями прижал он ее к своей груди, руки их плотно сомкнулись вокруг тел, и до зари они не различали объятий, точно их связали. Забыв о короле и о дозорщиках, любовники радуются и осыпают друг друга ласками.

Эта ночь их опьянила, и в последующие дни, когда король покинул Тинтагель, чтобы вершить суд в Сен-Любене, Тристан, вернувшийся к Орри, отваживался каждое утро, при свете солнца, прокрадываться по саду до женских покоев.

Один слуга застал его и пошел сказать Андрету, Деноалену и Гондоину:

– Зверь, которого вы считаете прогнанным, вернулся в свою берлогу.

– Кто это?

– Тристан.

– Когда ты его видел?

– Сегодня утром, и я хорошо разглядел его. Бы также можете увидеть его завтра на заре, когда он придет, опоясанный

мечом, в одной руке – лук, в другой – две стрелы.

– Как же мы увидим его?

– Из одного окна, которое я знаю. Если я покажу вам его, что вы мне дадите?

– Марку серебра: ты станешь зажиточным крестьянином.

– Так слушайте, – сказал слуга. – Можно видеть покой королевы сверху через узенькое окошко, которое пробито очень высоко в стене; но большой полог, протянутый по комнате, закрывает это отверстие. Пусть завтра кто-нибудь из вас тихонько заберется в сад, срежет там длинную ветвь терновника, обточит ее конец, затем поднимется до этого окошка и воткнет ветку, как спицу, в ткань полога; таким образом он сможет слегка отодвинуть его в сторону. И сожгите меня. сеньоры, если он тогда не увидит за занавеской того, о ком я говорил.

Андрет, Говдоин и Деноален стали обсуждать, кому первому дать возможность насладиться этим зрелищем, и решили, наконец, предоставить это Гондоину. Они разошлись... Завтра на заре они встретятся, завтра на заре бойтесь Тристана, высокие сеньоры!

На другой день было еще темно, когда Тристан, оставив хижину лесника Орри, пополз к замку среди густых кустов терновника. Выходя из чащи, он глянул на лужайку и увидел Гондоина, который шел из своего замка. Тристан кинулся назад в терновник и притаился в засаде.

– Боже, – сказал он, – устрой, чтобы человек, что подхо-

дит, не заметил меня раньше времени!

Схватив меч, он поджидал его. Но случилось так, что Гондоин направился в другую сторону и удалился. Тристан вышел из чащи, обманутый в ожиданиях, натянул лук и прицелился... Увы, тот человек был уже недосыгаем для его стрелы.

Как раз в это время показался вдали и Деноален: тихо по тропинке он спускался на маленьком вороном иноходце в сопровождении двух огромных борзых. Спрятавшись за яблоней, Тристан следил за ним. Он видел, как тот науськивал собак на кабана в перелеске. Но раньше, чем борзые успеют выгнать его из берлоги, их хозяин получит такую рану, какой ни один лекарь не умеет вылечить. Когда Деноален поравнялся с ним, Тристан сбросил свой плащ, прыгнул и очутился перед своим врагом. Предатель хотел бежать. Но тщетно! Он не успел даже крикнуть: «Ты ранил меня!» Он свалился с лошади. Тристан отрубил ему голову, обрезал волосы, обрамлявшие его лицо, и спрятал их за пазухой: он хотел показать их Изольде, чтобы обрадовать сердце своей милой. «Увы, – думал он, – куда делся Гондоин? Он спасся. Жаль, что мне не удалось с ним расплатиться».

Он оттер свой меч, вложил его в ножны, навалил на ствол дерева и, оставив окровавленное тело, направился, накинув капюшон, к своей милой.

В замок Тинтагель Гондоин явился раньше его: он уже взобрался на высокое окно, воткнул терновый прут в занавеску,

веску, раздвинул два полотнища и мог оглядеть прекрасно устланную тростниками комнату. Сперва он не увидел никого, кроме Периниса, потом пришла Бранжъена, еще держа в руках гребень, которым она расчесывала золотые волосы королевы.

Но вот вошла Изольда, и за ней Тристан. В одной руке у него лук из заболони и стрелы, в другой – две длинные пряди волос. Он сбросил капюшон, обнаружив свои прекрасный стан. Белокурая Изольда поклонилась, приветствуя его; но в ту минуту, когда она встала и подняла к нему голову, она заметила на пологе тень головы Гондоина.

Тристан сказал ей:

– Видишь ли эти прекрасные кудри? Они – с головы Де-ноалена. Я ему отомстил за тебя. Никогда более не придется ему покупать и продавать ни щита, ни копья.

– Это хорошо, господин мой, но натяни-ка лук, прошу тебя: хочется мне узнать, хорошо ли он натягивается.

Тристан натянул лук, удивленный, недоумевая. Взяв одну из двух стрел, Изольда вправила ее в тетиву, посмотрела, крепка ли она, и сказала скорым шепотом:

– Я вижу нечто, что мне не нравится. Целься получше, Тристан.

Он приготовился, поднял голову и увидел на вершине полога тень головы Гондоина.

– Господь да направит эту стрелу, – прошептал он.

Обернулся он к стене и выстрелил. Длинная стрела про-

свистела в воздухе, – кобчик и ласточки не летят быстрее, – вонзилась в глаз предателя, пробила мозг, как сердцевину яблока, и застряла, дрожа, в черепе.

Тогда Изольда сказала Тристану:

– Теперь беги, милый! Ты видишь, предатели знают о твоём убежище. Андрет еще жив, он все расскажет королю; тебе более небезопасно в хижине лесника. Беги, дорогой! Верный Перинис скроет это тело в лесу так надежно, что король никаких вестей о нем никогда не получит. Ты же беги из этой страны ради твоего спасения, ради моего!

– Как мне жить? – говорит Тристан.

– Да, милый Тристан, жизни наши связаны и вплетены одна в другую. А мне как жить? Тело мое здесь, а сердце мое у тебя.

– Изольда, милая, я уезжаю, не знаю куда. Но если когда-либо ты увидишь перстень из зеленой яшмы, исполнишь ли ты то, о чем через него я тебя попрошу?

– Да, ты это знаешь: если я увижу перстень из зеленой яшмы, ни башня, ни крепкий замок, ни королевский запрет не помешают мне исполнить волю моего друга, будь то безумно или мудро.

– Да воздаст тебе Господь, рожденный в Вифлееме, дорогая!

– Да сохранит тебя Господь, дорогой!

Глава XIV. Волшебная погремушка

Тристан удалился в Уэльс, в страну благородного герцога Жилена. Герцог был молод, могуществен, добр; он принял Тристана как желанного гостя. Чтобы почтить и развеселить его, он не жалел никакого труда; но ни подвиги, ни празднества не могли утолить тоску Тристана.

Однажды, когда он сидел возле молодого герцога, сердце его так заболело, что, сам того не замечая, он начал вздыхать. Желая смягчить его горе, герцог велел принести в свои покои свою любимую забаву, которая в печальные минуты чаровала его глаза и сердце. На стол, покрытый благородной роскошной пурпурной скатертью, посадили его собачку Пти-Крю ¹¹. Это была заколдованная собачка; досталась она герцогу с острова Авалона ¹²; ему послала ее фея в знак любви. Никто не был бы в состоянии достаточно искусными словами описать свойства и красоту собачки. Шерсть ее отливала столь чудесно расположенными цветами, что нельзя было назвать ее масти: сначала ее шея казалась белее снега, круп зеленее клеверного листа, один бок – красный, точно пурпурный, другой – желтый, как шафран, живот – голубой, как лазурь, спина – розоватая; но, если посмотреть на нее

¹¹ Имя собачки значит «коротышка», «малышка».

¹² Авалон – волшебный остров кельтских сказаний, населенный эльфами, феями и избранными героями, попавшими туда после смерти или еще при жизни.

подольше, все эти цвета начинали плясать в глазах, сливаясь в какой-то один оттенок, то белый, то зеленый, желтый, голубой, пурпурный, то более темный, то посветлее. На шее у нее подвязана была на золотой цепочке погремушка такого веселого, ясного и нежного звона, что от звуков ее сердце Тристана умилилось, успокоилось, и горе его растаяло. Исчезли из памяти все беды, вынесенные ради королевы, – такова была волшебная сила погремушки; сердце, слыша ее звон, такой нежный, веселый и ясный, забывало всякое горе.

И в то время как Тристан в обаянии волшебства ласкал маленькое заколдованное животное, которое рассеивало все его горе и шерсть которого казалась на ощупь мягче бархата, он подумал, что это был бы хороший подарок для Изольды. Но что было делать? Герцог Жилен любит Пти-Крю более всего на свете, и никто не был бы в состоянии получить ее от него ни хитростью, ни просьбами.

Однажды Тристан сказал ему:

– Что бы вы дали, государь, тому, кто освободил бы вашу страну от косматого великана Ургана, который требует от вас тяжелой дани?

– Сказать по правде, я предложил бы его победителю выбрать из моих богатств то, что он сочтет наиболее ценным; только никто не отважится напасть на великана.

– Вот удивительные слова! – возразил Тристан. – Но ведь благополучие страны достигается только подвигами, а я за все золото Милана не откажусь от желания сразиться с ве-

ликаном.

– В таком случае да поможет тебе Господь, рожденный от Девы в Вифлееме, и да защитит Он тебя от смерти, – сказал герцог Жилен.

Тристан настиг косматого Ургана в его логовище. Долго и яростно бились они; наконец доблесть восторжествовала над силой, ловкий меч – над тяжелой палицей, и Тристан, отрубив правую руку великана, отнес ее герцогу.

– В награду, государь, согласно вашему обещанию дайте мне Пти-Крю, вашу очарованную собачку.

– О чем просишь ты, друг мой! Оставь ее мне, возьми лучше мою сестру и с ней половину моей страны.

– Прекрасна ваша сестра, государь, прекрасна и ваша страна, но я для того только и бился с косматым Урганом, чтобы получить вашу очарованную собачку. Вспомните о вашем обещании!

– Возьми же ее, но знай, что ты отнимаешь у меня радость моих глаз и веселье моего сердца.

Тристан передал собачку уэльскому жонглеру, умному и хитрому, а тот доставил ее в Корнуэльс. Прибыв в Тинтагель, он тайно отдал ее Бранжъене. Сильно обрадовалась королева, наградила жонглера десятью марками золота, а королю сказала, что этот драгоценный подарок прислала ей мать, королева Ирландии. Она приказала мастеру сделать для собачки домик, изукрашенный золотом и драгоценными камнями; куда бы она ни шла, она носила собачку с собой, как память о

своём миллом, и всякий раз, как она смотрела на нее, печаль, тоска и сожаление изглаживались из ее сердца.

Вначале она не понимала этого чуда: если она ощущала такую сладость, когда глядела на собачку, то это, думала она, происходило от того, что она подарена Тристаном; видно, мысль о ее друге так усыпляла ее тоску. Но однажды она узнала, что это было дело волшебства и что один лишь звук погремушки чаровал ее сердце.

«О, – подумала она, – хорошо ли, что я нахожу утешение, тогда как Тристан несчастен? Он мог бы удержать у себя эту заколдованную собачку и таким образом забыть свою печаль. По великому своему благородству он предпочел послать ее мне, отдать мне свою радость, чтобы самому терпеть по-прежнему горе. Но тому не бывать! Тристан, я хочу страдать, пока ты страдаешь».

Она взяла волшебную погремушку, позвенела ею в последний раз, тихо отвязала ее, потом бросила через открытое окно в море.

Глава XV. Белорукая Изольда

Любовники не могли ни жить, ни умереть друг без друга. Жить им в разлуке было ни жизнь, ни смерть, но то и другое вместе. Тристан хотел бежать от своего горя, носясь по морям, островам и странам. Снова увидел он свою страну Лоонуа, где Роальд Твердое Слово встретил своего сына со слезами нежности. Но, не будучи в состоянии спокойно жить в его земле, Тристан отправился по герцогствам и королевствам, ища приключений: из Лоонуа – к фризам, от фризов – в Гавау, из Германии – в Испанию. Служил он многим государям и совершил много подвигов, но в течение двух лет не было ему никакой вести из Корнуэльса – ни друга, ни послания.

Тогда он подумал, что Изольда разлюбила его и забыла.

И вот случилось однажды, что, странствуя вдвоем с Горвеналом, прибыли они в Бретань. Они проехали опустошенную равнину; повсюду обрушившиеся стены, деревни без жителей, поля, выжженные огнем; их кони шли по пеплу и углям на пустынной поляне.

Тристан задумался: «Я истомлен и устал. К чему мне эти приключения? Госпожа моя далеко, никогда я ее не увижу. Почему в течение двух лет не послала она искать меня повсюду? Ни одной весточки от нее! В Тинтагеле король ее почитает, ей служит, живется ей радостно; конечно, погременуш-

ка волшебной собачки оказала свое действие. Изольда меня забыла, и ей мало дела до прежних печалей и радостей, мало дела до несчастного, который скитается по этой опустелой стране. Неужели никогда не забуду я ту, которая меня забыла? Неужели не найду никого, кто бы утешал мое горе?»

В течение двух дней Тристан и Горвенал проезжали по полям и селениям, не встречая ни человека, ни петуха, ни одной собачки.

На третий день, около полудня, они подъехали к холму, на котором возвышалась старая часовня и рядом с ней жилище отшельника. На отшельнике не было тканой одежды, он носил козлиную шкуру с лоскутьями шерсти на спине. Простершись на земле, с обнаженными коленями и локтями, он молился Марии Магдалине о ниспослании ему спасительных молитв. Он приветствовал подъехавших и, в то время как Горвенал разнуздывал коней, снял с Тристана доспехи и приготовил еду. Он не предложил им тонких блюд, а только хлеб из ячменя, смешанного с пеплом, ключевую воду. После ужина, когда смерклось и они уселись около огня, Тристан спросил, что это за разоренная страна.

– Почтенный сеньор, – сказал отшельник, – эта страна – Бретань, и владеет ею герцог Хоэль. Страна эта была некогда богата пастбищами и пашнями: здесь были мельницы, там яблони, фермы. Но граф Риоль Нантский произвел это опустошение: его фуражиры все предали огню и разграбили. Люди его надолго разбогатели. УЖ такова война.

– Брат, – сказал Тристан, – почему же граф Риоль так разорил вашего государя Хоэля?

– Я вам поведаю, сеньор, причину войны. Надо вам знать, что Риоль был вассалом герцога Хоэля, а у герцога есть дочь, прекраснейшая из всех принцесс; ее-то и захотел взять в жены граф Риоль, но отец отказался отдать ее вассалу, и граф Риоль попытался захватить ее силой. Много людей погибло из-за этой ссоры.

– Может ли герцог Хоэль еще продолжать войну? – спросил Тристан.

– С великим трудом, сеньор. Однако его последний замок Карэ еще держится, ибо стены его крепки, мужественно и сердце сына герцога Хоэля, славного рыцаря Каэрдина. Но враг теснит их и морит голодом. Долго ли будут они в состоянии сопротивляться!

Тристан спросил, на каком расстоянии находится замок Карэ.

– Всего в двух милях, сеньор. Они разошлись и заснули. Наутро, когда отшельник помолился и они подкрепились ячменным хлебом с пеплом, Тристан попрощался с почтенным мужем и направился в Карэ.

Остановившись у плотных стен, он увидел толпу людей, стоявших дозором на дороге, и спросил, где герцог. Хоэль был среди них с сыном своим Каэрдином. Он сказал, кто он такой, и Тристан обратился к нему:

– Я – Тристан, король Лоонуа: Марк, король Корнуэльса,

мне дядя. Я узнал, сеньор, что ваши вассалы притесняют вас, и пришел предложить вам свои услуги.

– Увы, сеньор Тристан, ступайте своей дорогой, и да воздаст вам Господь! Как принять вас здесь? у нас нет более припасов, нет совсем ржи, чтобы поддержать существование, остались только ячмень да бобы.

– Что ж, – отвечал Тристан, – я два года прожил в лесу, питаюсь травами, кореньями и дичиной. И поверьте, я находил такую жизнь прекрасной. Прикажите отворить мне ворота.

Тогда Каэрдин сказал:

– Прими его, отец, если он так мужествен, пусть возьмет свою долю в нашем счастье и нашем горе.

Они приняли его с почетом. Каэрдин показал своему гостю крепкие стены и главную башню, вокруг нее другие, деревянные, хорошо защищенные частоколом; в них скрывались в засаде стрелки. С зубчатых стен он показал ему на равнине, вдали, палатки и шатры графа Риоля. Когда они возвратились к порогу замка, Каэрдин сказал Тристану:

– Теперь, дорогой друг мой, поднимемся в зад, где находятся моя мать и сестра.

Взявшись за руки, оба вошли в женский покой. Мать и дочь, сидя на ковре, вышивали золотом по английской ткани и пели песню про то, как красавица Дозта, сидя под белым терновником, ждет не дождется своего возлюбленного Доона, который так медлит прийти. Тристан поклонился им, они

ему. Затем оба рыцаря уселись возле них. Каэрдин показал на епитрахиль, которую вышивала его мать, и сказал:

– Смотри, дорогой друг Тристан, какая искусница моя мать, как она умеет украшать епитрахили и ризы, чтобы потом принести их в дар бедным монастырям! Как быстро руки моей сестры продевают золотые нити в эту ткань! Тебя, сестрица, по праву прозвали Изольдой Белорукой.

Услышав, что ее зовут Изольдой, Тристан улыбнулся и посмотрел на нее нежнее.

Граф Риоль разбил свой стан в трех милях от Карэ, и уже много дней люди герцога Хоэля не решались делать против него вылазки.

На следующий же день Тристан, Каэрдин и двенадцать юных рыцарей выступили из Карэ в панцирях, привязав шлемы, и проехали сосновой рощей до рвов неприятельского лагеря; затем, выскочив из засады, они силой отбили подводу графа Риоля с провиантом.

С этого дня, меняя на разные лады военные хитрости и приемы, они разоряли его плохо охраняемые шатры, нападали на его обоз, ранили и убивали его людей и никогда не возвращались в Карэ без какой-нибудь добычи. Благодаря этому Тристан и Каэрдин стали питать друг к другу такое доверие и любовь, что поклялись во взаимной дружбе и товариществе. Ни разу не нарушили они этого слова, как вы узнаете из рассказа.

И вот, когда они возвращались с этих набегов, толкая о

рыцарских подвигах и благородных делах, Каэрдин часто расхваливал своему дорогому другу сестру свою, белорукую Изольду, простодушную, прекрасную.

Однажды утром, чуть только занялась заря, дозорщик спешно спустился с башни и побежал по залам с криком:

– Сеньоры, вы заспались! Риоль идет на приступ!

Рыцари и горожане вооружились и побежали на стены. Они увидели в долине сверкающие шлемы, развевающиеся шелковые знамена: все войско графа Риоля двигалось в стройном порядке. Герцог Хоэль и Каэрдин тотчас же выстроили перед воротами передовые отряды рыцарей. Подъехав на расстояние выстрела из лука, они пришпорили коней и опустили копья, а стрелы сыпались на них, как апрельский дождь.

Тристан вооружился в свою очередь вместе с теми, которых дозорщик разбудил последними. Он затянул пояс, надел блию, узкие сапоги с золотыми шпорами, облекся в кольчугу, прикрепил шлем и забрало, сел на коня, пришпорил его и поскакал в долину, прикрыв грудь шитом и крича: «Карэ!» Это было кстати: уже воины Хоэля отступали за частокол.

Любо было тогда посмотреть на груды убитых коней и раненых бойцов, на удары, наносимые юными рыцарями, на траву, обагрившуюся, где только они появлялись, кровью. В их первом ряду гордо остановился Каэрдин, завидев, что против него вышел смелый барон, брат графа Риоля. Они столкнулись, опустив копья. Нантский боец сломал свое, не

выбив из седла Каэрдина, а тот более метким ударом пробил щит противника и вонзил ему в бок стальное острие копья по самый значок. Покачнувшись в седле, рыцарь потерял стремяна и упал. На крик брата граф Риоль помчался против Каэрдина, но Тристан преградил ему путь. Они сшиблись, и копьё Тристана сломалось в его руках, меж тем как копьё Риоля, ударившись в нагрудник Тристанова коня, пробило его, глубоко вонзилось в тело, и конь пал мертвым на поляне. Тристан сразу вскочил на ноги и, размахивая сверкающим мечом, крикнул:

– Трус! Позорная смерть тому, кто ранит коня, оставив в живых его хозяина! Живым ты отсюда не уйдешь!

– Сдается мне, что ты лжешь! – ответил Риоль, направляя на него своего коня.

Но Тристан уклонился от удара и, подняв руку, с такой силой хватил мечом по шлему Риоля, что своротил его обруч и отбил наносник. Меч, скользнув по плечу рыцаря, угодил в бок его коня, который в свою очередь зашатался и пал. Риолю удалось выпутаться; он поднялся, и оба, пешие, с пробитыми и рассеченными щитами, с порванными кольчугами, яростно накинулись Яруг на друга. Наконец Тристан ударил противника по карбункулу его шлема. Обруч подался; удар был такой сильный, что граф упал на колени и ладони.

– Вставай, коли можешь, вассал! – крикнул ему Тристан. – В недобрый час явился ты на это поле: тебе придется умереть!

Риоль поднялся с земли, но Тристан снова сшиб его ударом, который рассек его шлем, разрубил тулью и обнажил череп. Риоль взмолился о пощаде, и Тристан принял от него меч.

Он взял его вовремя, так как со всех сторон подбегали нантские воины на подмогу своему господину; но тот уже сдался. Риоль обещал отдаться в плен герцогу Хоэлю, снова принести клятву в повиновении и верности и отстроить выжженные города и деревни. По его приказанию битва прекратилась, и войско его отступило.

Когда победители возвратились в Карэ, Каэрдин сказал своему отцу:

– Сеньор, позови Тристана и удержи его при себе. Нет лучше его рыцаря, а твоя страна нуждается в бойце, исполненном такой доблести.

Посоветовавшись со своими людьми, герцог Хоэль призвал Тристана и сказал ему:

– Друг, не знаю, как выразить тебе мою любовь. Ты мне сохранил эту страну, и я хочу отблагодарить тебя. Дочь моя, белорукая Изольда, происходит из рода герцогов, королей и королев. Возьми ее, я отдаю ее тебе.

– Я принимаю ее, сеньор, – ответил Тристан.

Ах, добрые люди, зачем сказал он эти слова! Ведь из-за них он и умер.

Выбрали день, назначили срок. Герцог явился со своими друзьями, Тристан со своими. Капеллан отслужил мес-

су. При всех, перед церковными воротами, по закону святой церкви, Тристан сочетался браком с белорукой Изольдой. Свадьба была пышная и богатая. Но когда наступила ночь и слуги Тристана стали снимать с него одежды, случилось, что, потянув за слитком узкий рукав его блио, они стащили с его пальца перстень из зеленой яшмы, перстень белокурой Изольды. С громким звоном ударился он о плиты. Тристан взглянул и увидел его. И тут проснулась в нем старая любовь: он понял свой проступок.

Вспомнился ему день, когда белокурая Изольда дала ему этот перстень: то было в лесу, где ради него она влачила тяжелую жизнь. И, лежа с другой Изольдой, он представил себе шалаш в Моруа. По какому безумию обвинил он в своем сердце свою милую в измене? Нет, она продолжала терпеть из-за него горе, а он сам изменил ей. Но ему стадо жаль и жены своей Изольды, простодушной, прекрасной. В недобрый час полюбили его обе Изольды: обеим он изменил.

Между тем белорукая Изольда дивилась, что он вздыхает, лежа с ней радом. Наконец, она сказала ему, слегка застыдившись:

– Дорогой сеньор, не оскорбила ли я вас чем-нибудь? Почему не одарите вы меня ни одним поцелуем? Скажите мне, чтобы мне знать мою вину, – я искуплю ее сторицей, если смогу.

– Не сердись, дорогая, – ответил Тристан, – я дал обет. Некогда в другой стране, когда я бился с драконом и чуть

было не погиб, я призвал Богоматерь и произнес обет, что если по Ее милости я спасусь и возьму жену, целый год я буду воздерживаться от объятий и поцелуев.

– Если так, я постараюсь это перенести, – сказала белоручая Изольда.

Но когда поутру служанка надела на нее чепец, какой носят замужние женщины, она грустно улыбнулась и подумала, что на такой убор не имеет права.

Глава XVI. Каэрдин

Несколько дней спустя герцог Хобль, его сенешал и все его ловчие, Тристан, белорукая Изольда и Каэрдин выехали из замка в лес на охоту. По узкой дороге Тристан ехал слева от Каэрдина, который правой рукой придерживал за удила коня белорукой Изольды. Случилось, что конь ее поскользнулся в луже. От удара его копыта вода плеснула так сильно под одежды Изольды, что совсем смочила ее, и она почувствовала холод выше колен. Слегка вскрикнув, она шпорами подняла коня и рассмеялась таким громким и ясным смехом, что нагнавший ее Каэрдин спросил:

– Чему ты смеешься, сестрица?

– Одной мысли, которая пришла мне в голову, братец. Когда эта вода плеснула на меня, я ей сказала: «Вода, ты смелее, чем был когда-либо Тристан!» Вот почему я рассмеялась. Но я проговорила, братец, и раскаиваюсь в этом.

Удивленный Каэрдин начал ее так настойчиво расспрашивать, что она рассказала ему всю правду о своем браке. Тут Тристан нагнал их, и они втроем молча доехали до охотничьего домика. Каэрдин отозвал

Тристана в сторону и сказал ему:

– Сеньор Тристан, сестра сказала мне всю правду о своем браке. Я считал тебя ровней и товарищем, но ты нарушил верность и опозорил мой род. Если ты не оправдаешься пе-

редо мной, знай, что я тебя вызову на поединок.

Тристан отвечал:

– Да, я явился к вам на ваше несчастье, но узнай и мое горе, славный, милый друг, брат и товарищ, и, может быть, сердце твое успокоится. Знай, что у меня есть другая Изольда, красивейшая из всех женщин, которая выстрадала за меня много бед и теперь еще страдает. Правда, сестра твоя любит меня и почитает, но из любви ко мне другая Изольда обращается с большим почетом с собачкой, которую я ей подарил, чем твоя сестра со мной. Давай бросим охоту, последуй за мной в одно местечко, куда я тебя поведу, я тебе расскажу про горе моей жизни.

Тристан повернул коня и пришпорил его, Каэрдин погнал своего следом за ним. Не обменявшись ни одним словом, они домчались до самой чащи леса. Там Тристан рассказал свою жизнь Каэрдину. Он поведал ему, как на море он испытал любовь и смерть, рассказал про предательство баронов и карлика, про королеву, которую вели на костер и отдали прокаженным, и про свою любовь с нею в глухом лесу; рассказал, как он вернул ее королю Марку и как, удалившись от нее, он хотел полюбить белорукую Изольду; как он отныне и навсегда знает, что не может ни жить, ни умереть без королевы.

Каэрдин молчал и довился; он чувствовал, что его гнев невольно улегся.

– Друг, – сказал он наконец, – чудные слова я слышу. Ты

разжалобил мое сердце, ибо такие беды ты выстрадал, от которых да избавит Господь всех и каждого. Вернемся в Карэ; через три дня, если я буду в состоянии, я скажу тебе то, что думаю.

В своем покое в Тинтагеле белокурая Изольда вздыхает по Тристану, зовет его; нет у нее другой мысли, другой надежды, другого желания, как любить его всегда. В нем вся ее страсть, а в течение двух лет она ничего о нем не знает. Где он? В какой стране? Жив ли он даже?

В своем покое сидит белокурая Изольда и поет грустную песню любви. Она поет о том, как Гуруна схватили и убили за любовь к даме, которую он любил более всего на свете, и какой хитростью граф дал своей жене съесть сердце Гуруна, и как она горевала.

Тихо поет королева, подыгрывая себе на арфе. Прекрасны ее руки, хороша песня, тих ее напев и нежен голос.

В комнату вошел Кариадо, богатый граф с одного дальнего острова. Он приехал в Тинтагель, чтобы служить королеве, и много раз со времени отъезда Тристана пытался добиться ее любви. Но королева отвергла его ухаживание, считая это низостью. Это был красивый рыцарь, гордый, осанистый и речистый, более у места в женских покоях, чем в битве. Он застал Изольду за песней и сказал, смеясь:

– Что за печальная песня, печальная, как песня орлана! Не говорят разве, что орлан поет, чтобы возвестить смерть! И, конечно, о моей смерти вещает песня, ибо я умираю от

любви к вам.

– Пусть так, – сказала Изольда, – пусть моя песня возвещает вашу смерть, ибо вы никогда не являлись сюда без того, чтобы не сообщить мне дурной вести. Вы всегда были орланом или совой, чтобы говорить дурное про Тристана. Какое еще известие сообщите вы мне сегодня?

Кариадо отвечал ей:

– Вы раздражены, королева, не знаю чем, но глуп тот, кто смутится вашими речами. Смерть ли мою возвещает орлан или нет, а вот плохая весть, которую приносит вам сова: ваш друг Тристан погиб для вас, королева Изольда, он женился в другой стране. Распоряжайтесь вашим сердцем свободно, потому что он презрел вашу любовь. Он женился на знатной девушке, на белорукой Изольде, дочери бретонского герцога.

Кариадо вышел в гневе, а белокурая Изольда поникла головой и заплакала.

На третий день Каэрдин позвал к себе Тристана и сказал:

– Друг, я принял решение в своем сердце. Если ты сказал мне правду, жизнь, которую ты ведешь в этой стране, – сумасбродство и безумие, и никакого добра от этого не будет ни тебе, ни сестре моей, моей белорукой Изольде. Итак, слушай, что я задумал. Мы отправимся вместе в Тинтагель, ты снова увидишь королеву и узнаешь, тоскует ли она еще по тебе и верна ли тебе. Если она тебя забыла, возможно, что ты более полюбишь сестру мою Изольду, простодушную, прекрасную. Я поеду с тобой: разве я тебе не ровня, не товарищ?

– Брат, – сказал Тристан, – правду говорят: сердце человека стоит золота целой страны.

Вскоре Тристан и Каэрдин взяли посохи и паломничьи одежды, будто собрались поклониться святым мощам в дальней стране. Они попрощались с герцогом Хоэлем. Тристан взял с собой Горвенала, а Каэрдин – одного конюшего. Тайно снарядили они судно и поехали в Корнуэльс. Всю дорогу ветер был тихий и благоприятный, и однажды утром, еще до зари, они пристали неподалеку от Тинтагеля, в пустынной бухте, поблизости от замка Лидана. Там, решили они, добрый сенешал Динас наверно их приютит и сумеет скрыть их приезд.

Когда рассвело, оба путника направились к Лидану и вдруг увидели, что кто-то рысцой едет за ними на коне по той же дороге. Они бросились в лес, но всадник проехал мимо, не заметив их, потому что дремал в седле. Тристан узнал его.

– Брат, – сказал он Каэрдину, – это сам Динас из Лидана. Он спит. Без сомнения, он возвращается от своей милой и грезит о ней, невежливо было бы его разбудить. Но следуй за мной на расстоянии.

Он догнал Динаса, тихо взял под уздцы его коня и пошел рядом. Наконец лошадь споткнулась, и толчок разбудил спящего. Он открыл глаза и посмотрел на Тристана, словно не веря себе.

– Как! Это ты, Тристан! Да благословит Господь час, в который я тебя снова вижу: я так долго его ждал!

– Да сохранил тебя Господь, друг мой! Какие вести сообщишь ты мне о королеве?

– Увы, грустные вести! Король любит ее и хочет, чем только может, порадовать; но со дня твоего изгнания она тоскует и плачет по тебе. Зачем тебе снова видеться с ней? Или ты снова стремишься к своей и ее смерти? Пожалей королеву, Тристан, оставь ее в покое.

– Друг, – сказал Тристан, – сделай мне одолжение: укрой меня в Лидане, отнеси ей мое послание и устрой так, чтобы я увидел ее раз, один только раз.

Динас ответил:

– Жалко мне моей королевы, и я исполню твое поручение только в том случае, если уверюсь, что она тебе по-прежнему дороже всех других женщин.

– О Динас, скажи ей, что она мне по-прежнему дороже всех других женщин, это будет правда.

– Ну, тогда следуй за мной, Тристан, я помогу тебе в твоей нужде.

В Лидане сенешал приютил Тристана, Горвенала, Каэрдина и его конюшего, а когда Тристан рассказал ему от начала до конца все то, что с ним случилось, Динас отправился в Тинтагель, чтобы разведать, что делается при дворе.

Он узнал, что через три дня королева Изольда, король Марк и вся его дружина, конюшие и охотники покинут Тинтагель, чтобы поселиться в замке на Белой Поляне, где была приготовлена большая охота. Тогда Тристан дал сенешала

лу свой перстень из зеленой яшмы и поручение, которое он должен был передать королеве словесно.

Глава XVII. Динас из Лидана

Итак, Динас вернулся в Тинтагель, поднялся по ступеням и вошел в залу. Под балдахином Марк и белокурая Изольда сидели за шахматной доской. Динас сел на скамью возле королевы как бы для того, чтобы наблюдать за ее игрой, и, два раза притворившись, будто указывает ей ход, положил свою руку на шахматную доску; на второй раз Изольда узнала на его пальце перстень с яшмой. Тогда для нее игра кончилась. Она толкнула слегка руку Динаса так, что несколько фигур упало в беспорядке.

– Видите, сенешал, – сказала она, – вы так спутали мою игру, что я уже не могу продолжать ее.

Марк вышел из залы. Изольда удалилась в свои покои и велела позвать к себе сенешала:

– Ты послан Тристаном, друг?

– Да, королева, он в Лидане, скрывается в моем замке.

– Правда ли, будто он женился в Бретани?

– Вам сказали правду, но он уверяет, что ничуть не изменил вам, что ни одного дня он не переставал любить вас более всех женщин, что он умрет, если не увидит вас хоть раз. Он просит, чтобы вы согласились на это, исполнив обещание, которое вы ему дали в последний день, когда он говорил с вами.

Королева помолчала некоторое время, раздумывая о дру-

гой Изольде. Наконец, она ответила:

– Да, в последний день, когда мы с ним говорили, я, помнится, сказала ему: если когда-либо я увижу перстень с зеленой яшмой, то ни башни, ни крепкий замок, ни королевский запрет не помешают мне исполнить волю моего милого, будь то мудро или безумно.

– Королева, через два дня двор должен покинуть Тинтагель, чтобы направиться в Белую Поляну; Тристан просит передать вам, что он спрячется в терновых кустах около дороги. Он умоляет вас сжалиться над ним.

– Я сказала: ни башни, ни крепкий замок, ни королевский запрет не помешают мне исполнить волю моего милого.

На третий день, когда весь двор готовился к отъезду из Тинтагеля, Тристан, Горвенал, Каэрдин и его конюший надели кольчуги, взяли мечи и щиты и направились тайными тропками к назначенному месту. Две дороги вели через лес к Белой Поляне: одна – широкая и отлично вымощенная, по которой должно было пройти шествие, другая – каменистая и заброшенная. Тристан и Каэрдин оставили на второй дороге обоих конюших, которые должны были поджидать их там, охраняя и коней и щиты, сами же забрались в лес и спрятались в чаще. Перед этой чашей, посреди хорошей дороги, Тристан положил ветвь орешника, обвитую побегом козьей жимолости.

Вскоре шествие показалось на дороге. Впереди ехал отряд короля Марка. В стройном порядке проследовали фурыеры

и конюшие, повара и кравчие, затем капелланы, псары с борзыми и ищейками, потом сокольничьи с соколами на левой руке, за ними охотники, потом рыцари и бароны. Они ехали мелкой рысцой, чинно выстроившись по двое, и любо было смотреть на них, богато одетых, на конах в бархатной сбруе, усыпанной ценными украшениями. Позади всех проехал король Марк, и Каэрдин восхищался, видя вокруг него ближних его людей, по двое с каждой стороны, одетых сплошь в золотые или багряные ткани.

Затем появился отряд королевы. Впереди ехали прачки и горничные, за ними жены и дочери баронов и графов. Они ехали поодиночке, и каждую сопровождал молодой рыцарь. Наконец, показался конь, на котором сидела красавица, краше которой Каэрдин никогда еще не видел: прекрасная станом и лицом, с плоскими бедрами, хорошо очерченными бровями, смеющимися глазами и маленькими зубками; она одета была в красный бархат, тонкая пластинка золота с драгоценными камнями украшала ее прекрасный лоб,

– Это королева? – спросил шепотом Каэрдин.

– Королева? – сказал Тристан. – Нет, это Камилла, ее служанка.

Затем проехала на сером коне другая девушка, с лицом более белым, чем февральский снег, и более алым, чем розы. Глаза ее сияли, как звезды, отраженные в источнике.

– Ну, теперь я ее вижу; это королева, – сказал Каэрдин.

– О нет, – отвечал Тристан, – это Бранжьена Верная.

Вдруг засветилась вся дорога, точно солнце внезапно излило свое сияние сквозь листву высоких деревьев, и появилась белокурая Изольда. Герцог Андрет – да будет он проклят Господом! – ехал по ее правую руку.

В это мгновение из терновой чащи полились трели малиновки и жаворонка; Тристан вложил в них всю свою нежность. Королева поняла знак своего милого. Она заметила на дороге ветвь орешника, крепко обвитую козьей жимолостью, и подумала в своем сердце: «Так и мы с тобой, дорогой: ни ты без меня, ни я без тебя».

Она остановила своего коня, подошла к иноходцу, который вез на себе усыпанный драгоценными камнями домик, где на пурпурном коврике лежала собачка Пти-Крю; взяла ее на руки и стала гладить ее рукой, своей горностаевой мантией ласкать и нежить ее. Потом, положив ее на место, обернулась к терновой чаще и сказала громким голосом:

– Лесные птички, вы повеселили меня своими песнями, и я приглашаю вас послужить мне и далее. Мой повелитель, король Марк, проедет прямо до Белой Поляны, я же думаю заночевать сегодня в замке Сен-Любен. Проводите меня до него, птички, – вечером я вас щедро награжу, как славных менестрелей.

Тристан запомнил эти слова и обрадовался. Но предатель Андрет уже беспокоился. Он усадил королеву снова на коня, и шествие тронулось.

Послушайте о грустном приключении. Когда проходил

королевский отряд, на дороге, где Горвенал и конюший Каэрдина сторожили коней своих господ, появился вооруженный рыцарь по имени Блери. Он издали узнал Горвенала и шит Тристана. «Что я вижу! – подумал он. – Это Горвенал, а тот, другой, – сам Тристан». Пришпорив своего коня, он помчался к ним, крича: «Тристан!» Но оба всадника уже поворотили коней и пустились в бегство. Блери бросился за ними, повторяя:

– Тристан, остановись, заклинаю тебя твоим мужеством! Но всадники не обернулись. Тогда Блери закричал:

– Тристан, остановись, заклинаю тебя именем белокурой Изольды!

Трижды заклинал он беглецов именем белокурой Изольды, но тщетно: они исчезли, и Блери удалось догнать одного только коня, которого он и увел как добычу.

Он приехал в замок Сен-Любен в то время, как королева только что в нем расположилась. Застав ее наедине, он сказал ей:

– Государыня, Тристан здесь. Я видел его на заброшенной дороге, что ведет из Тинтагеля. Он обратился в бегство. Трижды кричал я ему, чтобы он остановился, заклиная его именем белокурой Изольды, но страх обуял его, и он не осмелился обождать меня.

– Славный рыцарь, что вы говорите? Это ложь и безумие: как мог бы Тристан оказаться в этой стране? Как мог бы он бежать от вас? Неужели бы он не остановился, если бы его

заклинали моим именем?!

– Однако я его видел, государыня, и доказательством тому служит то, что я захватил одного из его коней. Поглядите, вон он во всем убранстве там, на дворе.

Блери увидел, что Изольда разгневана. Грустно ему стало за нее, ибо он любил Тристана и королеву. Он ушел, жалея о том, что сказал.

Тогда заплакала Изольда и сказала: «Несчастливая я! Слишком долго я живу, ибо дожила до того, что Тристан издевается надо мной и позорит меня! Прежде, когда его заклинали моим именем, с каким бы врагом не вступил он в бой! Он смел и силен; если он бежал от Блери, если не удостоил остановиться при имени своей милой – это значит, что другая Изольда им владеет. К чему же он вернулся? Он мне изменил, он захотел вдобавок опозорить меня, надо мной насмеяться. Разве не довольно ему моих прежних терзаний? Пусть же он возвращается к своей белорукой Изольде, сам опозоренный».

Она позвала Периниса Верного, рассказала ему, что узнала от Блери, и прибавила:

– Друг, отыщи Тристана на заброшенной дороге, что идет от Тинтагеля к Сен-Любену, да скажи ему, что я не шлю ему привета, и пусть он не отваживается приблизиться ко мне, ибо я прикажу своей страже и слугам выгнать его.

Перинис принялся за поиски. Найдя Тристана и Каэрдина, он передал то, что велела сказать королева.

– Что говоришь ты, брат? – воскликнул Тристан. – Как мог я бежать от Блери? Ты видишь, с нами нет даже наших коней. Горвенал сторожил их; мы его не нашли в условленном месте и продолжаем искать его.

В это мгновение подъехал Горвенал с конюшим Каэрдина, и они рассказали о своем приключении.

– Перинис, милый, добрый друг, – сказал Тристан, – вернись скорей к своей госпоже, передай ей, что я шлю ей привет и любовь, что я не нарушил той верности, которою ей обязан, что она мне дороже всех женщин; попроси ее, чтобы она снова прислала тебя ко мне с помилованием. Я буду ждать здесь твоего возвращения.

Перинис вернулся к королеве и передал ей то, что видел и слышал. Но она ему не поверила.

– Ах Перинис, ты был мне близким, верным человеком: мой отец приставил тебя еще ребенком служить мне, но колдун Тристан соблазнил тебя своими выдумками и подарками. И ты тоже мне изменил. Уходи прочь!

Перинис упал перед ней на колени.

– Суровые слова я слышу, королева. Никогда в жизни не было мне так больно. Но о себе я не забочусь: мне больно за вас, королева, что вы оскорбляете сеньора Тристана; и вы пожалеете об этом, когда будет слишком поздно.

– Ступай, я тебе не верю. Даже ты, Перинис, Перинис Верный, изменил мне!

Долго ждал Тристан, чтобы Перинис принес ему проше-

ние от королевы. Перинис не явился.

Поутру Тристан надел на себя большой плащ в лохмотьях, покрасил местами свое лицо киноварью и зеленой шелухой ореха, так что стал походить на больного, изъеденного проказой; в руки он взял чашку из сучковатого дерева для сбора подаяния и трещотку прокаженного.

Он вошел в Сен-Любен и начал бродить по его улицам, выпрашивая измененным голосом милостыню у каждого встречного. Только бы ему удалось повстречать королеву!

Она выходит, наконец, из дворца; Бранжьена, слуги и стража сопровождают ее. Она направляется в церковь.

Прокаженный вдет за слугами, вертит свою трещотку и молит жалобным голосом:

– Королева, подайте мне что-нибудь! Вы не знаете, как я нуждаюсь!

По мощному телу и осанке Изольда его признала. Она вся дрожит, но не достаивает его взглядом. Прокаженный ее молит. Жалко было слышать его! Он тащится за нею:

– Королева, если я осмелился подойти к вам, не гневайтесь; смилуйтесь надо мной, я вполне этого заслуживаю.

Но королева зовет слуг и стражу:

– Прогоните этого прокаженного, – говорит она им.

Слуги толкают его и бьют. Он сопротивляется и кричит:

– Сжальтесь, королева!

Тогда Изольда громко рассмеялась. Ее смех звенел еще, когда она вошла в церковь, услышав ее смех, прокаженный

ушел. Королева сделала несколько шагов по церкви, затем ноги ее ослабели, и она упала на колени, головой наземь, руки крестом.

В тот же день Тристан распрощался с Динасом в таком огорчении, что, казалось, он лишился рассудка, и судно его отплыло в Бретань.

Увы, королева вскоре раскаялась, когда узнала от Динаса из Лидана, что Тристан уехал в такой грусти. Она поверила, что Перинис говорил правду, что Тристан не бежал, когда его заклинали ее именем, что она напрасно прогнала его. «Как это! – думала она. – Я тебя прогнала, тебя, дорогой Тристан! Отныне ты будешь меня ненавидеть, и никогда я тебя не увижу. Никогда не узнаешь ты, как я раскаиваюсь, какую кару хочу наложить на себя в доказательство и в слабый знак моего раскаяния!»

С этого дня, чтобы наказать себя за свою ошибку и безумие, белокурая Изольда облеклась во власяницу и стала носить ее на теле.

Глава XVIII. Тристан-юродивый

Вновь увидел Тристан Бретань, Карэ, герцога Хоэля и жену свою, белорукую Изольду. Все его ласково встретили, но белокурая Изольда его прогнала – и для него ничего не осталось в мире. Долго томился он вдали от нее, но однажды решил снова повидать ее, готовый на то, чтобы она снова велела позорно избить его своей страже и слугам. Он знал, что вдали от нее его неизбежно и скоро постигнет смерть; так лучше уж умереть сразу, чем умирать медленно, каждый день. Кто живет в скорби, подобен мертвецу. Тристан желает смерти, жаждет ее. Пусть же королева, по крайней мере, узнает, что он погиб из-за любви к ней; если она узнает это, ему легче будет умереть.

Он ушел из Карэ, не сказав никому, ни родным, ни друзьям, ни даже своему милому товарищу Каэрдину; он ушел, нищенски одетый, пешком. Никто не обращал внимания на бедных бродяг, что странствуют по большим дорогам. Он шел до тех пор, пока не достиг берега моря. В гавани снаряжалось в путь большое торговое судно; уже моряки натягивали паруса и поднимали якорь, чтобы отплыть в открытое море.

– Да хранит вас Господь, добрые люди, и счастливый вам путь! В какие края вы направляетесь?

– В Тинтагель.

– В Тинтагель? Добрые люди, возьмите меня с собой!

Он садится на корабль. Попутный ветер надул паруса, и судно понеслось по волнам; пять ночей и пять дней плыло оно к Корнуэльсу, а на шестой пристало в гавани Тинтагеля.

За гаванью возвышался над морем замок, хорошо укрепленный со всех сторон: можно было в него войти только через одну железную дверь, и два надежных сторожа охраняли ее день и ночь. Как проникнуть в замок?

Тристан сошел с корабля и сел на берегу. Он узнал от проходившего мимо человека, что Марк находится в замке и недавно собирал двор.

– А где же королева и ее прекрасная прислужница Бранжъена?

– Они также в Тинтагеле, я недавно их видел; королева Изольда казалась печальной по обыкновению.

При имени Изольды Тристан вздохнул и подумал, что ни хитростью, ни удалством ему не удастся увидеть снова свою возлюбленную: ведь король Марк убьет его...

«А не все ли равно, если даже убьет? Не умру ли я от любви к тебе, Изольда? И что делаю я каждый день, как не умираю? А ты, Изольда, если бы знала, что я здесь, согласилась ли бы ты побеседовать со своим милым, не велела ли бы выгнать его своей стражей? Пушусь на хитрость, оденусь юродивым: это безумие будет великой мудростью. Иной примет меня за слабоумного, а будет не умнее меня; тот сочтет меня дурнем, кто сам еще более дурень».

Проходил рыбак в куртке из грубой шерстяной ткани с большим капюшоном. Увидев его, Тристан сделал ему знак и отвел в сторону:

– Друг, хочешь променять свою одежду на мою? Дай мне свою куртку: очень она мне нравится.

Рыбак посмотрел на одежду Тристана, нашел ее лучше своей, тотчас взял ее и быстро удалился, радуясь обмену.

Затем Тристан обстриг наголо свои светлые кудри, оставив на голове только крест из волос; вымазал свое лицо снадобьем из чудодейственной травы, привезенным из его страны, и тотчас цвет лица и облик его изменились так поразительно, что ни один человек на свете не мог бы его узнать. Он вырвал в огороде сук каштанового дерева, сделал из него палку, повесил ее на шею и босиком отправился прямо к замку.

Привратнику он показался, несомненно, помешанным, и он спросил его:

– Подойди-ка. Где ты так долго был? Тристан ответил, изменив свой голос:

– На свадьбе аббата из Мона, одного из моих друзей. Он женился на аббатисе, толстой особе в покрывале.

От Безансона до Мона все священники, аббаты, монахи и церковнослужители были приглашены на эту свадьбу; и все они, с палками и посохами, прыгают, играют и пляшут на лугу под тенью высоких деревьев. Но я их оставил, чтобы прийти сюда, потому что сегодня я обязан прислуживать при

королевской трапезе.

– Войдите же, сеньор, сын косматого Ургана, – сказал ему привратник. Вы велики ростом и волосаты, как он, и весьма похожи на вашего отца.

Когда Тристан вошел в замок, играя своей дубинкой, слуги и конюшие столпились вокруг него и стали травить его, как волка.

– Поглядите на помешанного, у-гу-гу!

Они кидали в него камнями, колотили его палками, но он терпел это, прыгая, предоставляя себя на их волю; если на него нападали слева, он оборачивался и бил палкой направо.

Среди смеха и крика, увлекая за собой беспорядочную толпу, он добрался до порога залы, где под балдахином рядом с королевой сидел король Марк. Он подошел к двери, повесил на шею свою дубину и вошел.

Увидав его, король сказал:

– Вот славный собеседник. Пусть приблизится. Его привели с палкой на шее.

– Привет тебе, дружок! – сказал Марк. Тристан ответил, до крайности изменив голос:

– Государь, добрейший и благороднейший из всех королей, а знал, что когда я увижу вас, мое сердце растает от нежности. Да поможет вам Бог, славный повелитель!

– Зачем пришел ты сюда, дружок?

– За Изольдой, которую я так любил, у меня есть сестра,

которую я к вам привел, прекрасная Брюнгильда ¹³. Королева надоела вам, попробуйте эту. Поменяемся: а отдам вам сестру, а вы дайте мне Изольду; я ее возьму и буду преданно служить вам.

Король засмеялся.

– Если я тебе отдам королеву, что станешь ты с ней делать, куда ее уведешь?

– Туда, наверх, между небом и облаком, в мое прелестное хрустальное жилище. Солнце проникает в него своими лучами, ветры не могут его поколебать; туда понесу я королеву, в хрустальный покой, цветущий розами, сияющий утром, когда его освещает солнце.

Король и бароны говорят промеж себя:

– Славный ты дурень, на слова мастер! Он сел на ковер и нежно смотрит на Изольду.

– Друг, – сказал ему Марк, – откуда явилась у тебя надежда, что моя жена обратит внимание на такого безобразного дурака, как ты?

– У меня есть на то право: много для нее я потрудился, из-за нее и с ума сошел.

– Кто же ты такой?

– Я Тристан, что так любил королеву и будет любить ее до смерти.

При этом имени Изольда вздохнула, изменилась в лице и

¹³ Брюнгильда – дева-воин, героиня германо-скандинавской мифологии и эпоса.

гневно сказал ему:

– Ступай вон! Кто тебя привел сюда? Ступай вон, злой дурак!

Он заметил ее гнев и сказал:

– А помнишь ли ты, королева Изольда, тот день, когда, раненный отравленным мечом Морольда, увозя с собой в море мою арфу, я случайно пристал к ирландским берегам? Ты меня исцелила. Неужели ты не помнишь этого больше?

– Вон отсюда, дурак! – отвечала Изольда. – Не нравятся мне ни твои шутки, ни ты сам.

Тут помешанный обернулся к баронам и погнал их к дверям, крича:

– Вон отсюда, дурни! Дайте мне поговорить с Изольдой наедине: ведь я пришел сюда миловаться с ней.

Король засмеялся, а Изольда покраснела и сказала:

– Прогоните этого безумца, государь!

А тот продолжал своим странным голосом:

– А помнишь ли ты, королева Изольда, большого дракона, которого я убил в твоей стране? Я спрятал его язык в кармане и, совсем опаленный его ядом, упал у болота. Дивный тогда я был рыцарь!.. И я ждал смерти, когда ты пришла ко мне на помощь.

– Замолчи! – отвечала Изольда. – Ты оскорбляешь рыцарей, ты помешан от рождения. Да будут прокляты моряки, которые привезли тебя сюда вместо того, чтобы бросить в море!

Юродивый громко расхохотался и продолжал:

– А помнишь ли ты, королева Изольда, о том, как во время купанья ты хотела убить меня моим же мечом, и сказку о золотом волосе, которою я тебя успокоил, и о том, как я защитил тебя от сенешала?

– Умолкни, злой рассказчик! Зачем явился ты сюда со своими бреднями? Вчера вечером ты упился, и, наверно, хмель внушил тебе эти грезы.

– Правда, я пьян, и от такого напитка, что никогда опьянение это не пройдет. А помнишь ли ты, королева Изольда, тот чудный, жаркий день в открытом море? Тебе захотелось пить – помнишь ли, королевская дочь? Мы выпили оба из одного кубка. С той поры я всегда был пьян, и плохим опьянением...

Когда Изольда услышала эти слова, которые она одна могла понять, она закрыла голову мантией, встала и хотела уйти, но король удержал ее за горностаевый капюшон и заставил снова усесться с ним рядом:

– Погоди немного, дорогая Изольда, дай дослушать его глупости до конца.

– Какие же мастерства знаешь ты, юродивый?

– Я служил королям и графам.

– В самом деле? умеешь ли ты охотиться с собаками, с птицами?

– Конечно, когда мне приходит в голову поохотиться в лесу, я умею ловить с моими ищейками журавлей, что летают в

поднебесье, с борзыми лебедей, белых гусей, диких голубей, с моим луком – нырков и выпей.

Все добродушно рассмеялись, а король спросил:

– А что добываешь ты, дружок, когда идешь на охоту за речной дичью?

– Беру все, что нахожу: с ястребами – лесных волков и больших медведей, с кречетами – кабанов, с соколами – серн и ланей, лисиц – с коршунами, зайцев – с кобчиками; и когда я возвращаюсь к тому, кто оказывает мне гостеприимство, я хорошо умею играть дубиной, наделять головнями конюших, настраивать мою арфу и петь под музыку, любить королев и бросать в ручей хорошо выстроганные щепки. В самом деле, разве не хороший я менестрель? Сегодня вы видели, как я умею драться палкой.

И он принялся размахивать ею вокруг себя.

– Ступайте вон отсюда, – крикнул он, – корнуэльские сеньоры! Чего еще ждете вы? Разве вы еще не наелись, не сыты?

Позабавившись дураком, король велел подать себе коня и ястребов и увел с собой на охоту рыцарей и конюших.

– Государь, – сказала ему Изольда, – я чувствую себя усталой и расстроенной. Дозволь мне отдохнуть в моей комнате, я не могу более слушать эти глупые шутки.

Она удалилась, задумавшись, в свою комнату, села на постель и сильно загоревала:

– Несчастливая я! Для чего я родилась? На сердце у меня тя-

жело и печально. Бранжьена, дорогая сестра, жизнь моя так сурова и жестока, что лучше было бы умереть. Там какой-то помешанный, выстриженный накрест, пришел в недобрый час; этот юродивый, этот жонглер – волшебник или знахарь, он в точности знает все обо мне, о моей жизни; знает такое, чего никто не ведает, кроме тебя, меня и Тристана; он узнал это, бродяга, гаданьем и колдовством.

Бранжьена ответила:

– Не сам ли это Тристан?

– Нет! Тристан прекрасен и лучший из рыцарей, а этот человек уродлив и мерзок. Да будет он проклят Богом! Да будет проклят час его рождения, проклят и корабль, привезший его вместо того, чтобы утопить там, далеко, в глубоких волнах!

– Успокойтесь, королева, – сказала Бранжьена, – сегодня вы только и знаете что проклинать и отлучать. Где вы научились такому делу? Но, может быть, этот человек – посланец Тристана?

– Не думаю, я его не признала. Но пойди за ним, дорогая, поговори с ним, посмотри, не признаешь ли ты его.

Бранжьена направилась в залу, где оставался лишь юродивый, сидевший на скамье. Тристан узнал ее, бросил палку и сказал:

– Бранжьена, благородная Бранжьена, заклинаю тебя Богом, сжался надо мной!

– Какой дьявол научил тебя моему имени, противный ду-

рак?

– Давно я его знаю, красавица! Клянусь моей головой, некогда белокурой, – если разум ее покинул, то виною тому ты, красавица. Не ты ли должна была оберечь любовное зелье, которое я выпил в открытом море? Было жарко, я отпил из серебряного кубка и подал его Изольде. Ты одна это знаешь, красавица, разве не помнишь ты этого более?

– Нет, – отвечала Бранжьена и, взволнованная, оросилась к комнате Изольды.

Но помешанный побежал вслед за ней с криком: «Сжался!»

Он вошел, увидел Изольду, кинулся к ней, протянув руки, и хотел прижать ее к своей груди, но, застыдившись, вся в холодном поту от волнения, она откинулась назад, избегая его. Видя, что она от него отстраняется. Тристан затрепетал от стыда и гнева, отошел к стене у двери и сказал своим по-прежнему измененным голосом:

– Да, я слишком долго жил, если дожил до дня, когда Изольда меня отталкивает, не устаивает любви. презирает меня. О, Изольда, кто сильно любит, не скоро забывает! О, Изольда, прекрасен и дорог полноводный ручей, который разливается и бежит широкими светлыми волнами; когда он высохнет, он ни к чему не годен. Такова любовь, которая иссякла. Изольда ответила:

– Я смотрю на тебя, друг, и сомневаюсь, дрожу, не уверена, не узнаю Тристана.

– Королева Изольда, я Тристан – тот, который так любил тебя, или не помнишь того карлика, который насыпал муку между нашими постелями, мой прыжок, кровь, что потекла из моей раны, подарок, который я тебе прислал, собачку Пти-Крю с волшебной погремушкой? Или не помнишь ты искусно обструганных щепок, которые я бросал в ручей?

Изольда смотрит на него, вздыхает, недоумекает, что сказать и чему верить; она отлично видит, что он про все знает, но было бы безумием признать в нем Тристана. А он говорит ей:

– Королева и госпожа моя, я вижу ясно, что вы бросили меня, и обвиняю вас в измене. Я изведаль, однако, дни, красавица, когда вы любили меня искренно: то было в темном лесу, под лиственным сводом. Помните ли вы тот день, когда я вам отдал мою собаку, славного Хюсдена? О, он меня всегда любил и ради меня покинул бы белокурую Изольду. Где он? Что вы с ним сделали? Он, по крайней мере, узнал бы меня.

– Он бы узнал вас? Вы говорите пустяки. С тех пор, как Тристан уехал, он все время лежит там, в своей конуре, и бросается на всякого, кто подходит к нему, Бранжьена, приведи его ко мне.

Бранжьена привела собаку.

– Поди сюда, Хюсден, – сказал Тристан. – Ты был моим, я возьму тебя снова.

Когда Хюсден услышал его голос, он вырвался с привязью

из рук Бранжъены, побежал к своему хозяину, стал вертеться у его ног, лизать ему руки, лаять от радости.

– Хюсден! – воскликнул юродивый. – Благословен тот труд, который я затратил, воспитав тебя! Ты меня лучше принял, чем та, которую я так любил. Она не хочет признать меня, узнает ли она хоть этот перстень из зеленой яшмы, который когда-то мне подарила, плача и целуя меня, в день расставания? Этот маленький перстень из яшмы никогда со мной не разлучался: часто просил я у него совета в моих печалях, часто орошал горькими слезами зеленую яшму.

Изольда увидела перстень. Она широко раскрыла руки:

– Вот я! Возьми меня, Тристан!

Тогда Тристан перестал изменять свой голос.

– Милая, как могла ты так долго не узнавать меня – дольше, чем эта собака? Разве дело в перстне? Разве не думаешь ты, что мне было бы отраднее, если бы ты узнала меня при одном напоминании о былой любви?

Разве дело в звуке моего голоса? Звук моего сердца – вот что ты должна была бы слышать!

– Милый, – сказала Изольда, – я, быть может, услышала его раньше, чем ты думаешь, но мы окружены кознями; могла ли я, как эта собака, последовать своему влечению, подвергая тебя опасности быть схваченным и убитым на моих глазах? Я оберегала себя, оберегала и тебя. Ни твое, напоминание о былой жизни, ни звук твоего голоса, ни самый этот перстень ничего мне не доказывают, так как все это мо-

жет быть злым делом волшебника. Но при виде перстня я сдаюсь. Разве не клялась я, что, как только его уважу, хотя бы мне погибнуть, я исполню все, что ты пожелаешь, будь то мудро или безумно? Мудро или безумно – я твоя; возьми меня, Тристан!

Она упала без чувств на грудь своего милого. Когда она пришла в себя, Тристан держал ее в объятиях, целовал ее глаза и лицо. Он вошел с ней под полог. В руках он держал королеву.

Чтобы позабавиться юродивым, слуги приютили его под лестницей залы, как собаку в конуре. Он смиренно выносил их насмешки и удары, потому что порой, приняв свое прежнее обличье и красоту, он шел из своей берлоги в покои королевы.

Но спустя несколько дней две служанки заподозрили обман и предупредили Андрета. Тот приставил к женскому покою трех хорошо вооруженных дозорщиков. Когда Тристан хотел войти в него, они закричали:

– Назад, дурак! Возвращайся к себе на солому!

– Что это, славные сеньоры? – сказал юродивый. – Разве сегодня вечером мне не след миловаться с королевой? Не знаете вы разве, что она меня любит и ждет?

Тристан замахнулся палкой. Слуги испугались и дали ему пройти. Он заключил Изольду в свои объятия.

– Надо мне бежать, дорогая, ибо вскоре меня узнают, Надо бежать, и, без сомнения, я уже никогда не вернусь. Смерть

моя близка: вдали от тебя я умру с тоски.

– Обними меня крепко, мой милый, и прижми так сильно, чтобы в этом объятии наши сердца разорвались и души улетели! Увези меня в счастливую страну, о которой ты некогда говорил: в страну, откуда никто не возвращается, где чудесные певцы поют бесконечные песни. Увези меня!

– Да, я увезу тебя в счастливую страну живых. Срок близится: разве мы не испили с тобой все горе и всю радость? Срок близится. Когда он настанет и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?

– Зови меня, друг. Ты знаешь, что я приду.

– Да вознаградит тебя за это Господь, дорогая!

Когда он выходил из комнаты, дозорщики кинулись на него, но юродивый громко расхохотался, завертел палкой и крикнул:

– Вы меня гоните, славные сеньоры? К чему это? Мне нечего здесь больше делать, ибо моя госпожа посылает меня далеко, чтобы приготовить ей светлый покой, который я ей обещал, хрустальный покой, цветущий розами, сияющий утром, когда его освещает солнце.

– Ступай же, дурень, в недобрый час!

Слуги расступились, и юродивый не спеша вышел, приплясывая.

Глава XIX. Смерть

Едва вернулся он в Бретань, в Карэ, как ему пришлось в помощь своему дорогому товарищу Каэрдину воевать с одним бароном по имени Бедалис. Он попал в засаду, устроенную Бедалисом и его братьями. Тристан убил семерых братьев, но сам был ранен ударом копья, которое было отравлено.

С большим трудом добрался он до замка Карэ и велел перевязать свои раны. Лекаря явились в большом числе, но ни один не мог вылечить его от яда, ибо им не удалось даже распознать его. Они не сумели составить пластырь, который вытянул бы яд наружу. Тщетно толкут они и растирают корни, собирают травы, приготавливают настои: Тристану все хуже и хуже, яд разливается по его телу, он побледнел, и кости его начинают обнажаться.

Он почувствовал, что жизнь его угасает, понял, что приходится ему умирать. Тогда он захотел снова повидать белокурую Изольду. Но как добраться до нее? Он так ослабел, что умер бы на море, а если бы и доехал до Корнуэльса, то как там избежать врагов? Он стонет, яд терзает его; он ждет смерти.

Он позвал к себе тайком Каэрдина, чтобы поведать ему свое горе, ибо они любили друг друга верной любовью. Он пожелал, чтобы никого не было в его комнате, кроме Каэр-

дина, и никого в соседних покоях. Изольда, жена его, удивилась в душе такому странному желанию. Это встревожило ее, и она захотела услышать, о чем они будут говорить. Припав в соседней комнате к стене, у которой стояла постель Тристана, она прислушалась. Один из ее верных слуг сторожил за дверью, чтобы никто ее не поймал.

Тристан собрался с силами, поднялся, прислонился к стене, Каэрдин сел возле него, и оба тихо заплакали. Они оплакивали свое доброе товарищество по оружию, так рано прерванное, свою великую дружбу, свою любовь, и каждый из них сокрушался о другом.

– Славный, дорогой друг, – сказал Тристан, – я на чужбине, где нет у меня ни родных, ни друзей, кроме тебя одного: ты здесь один был мне радостью и утешением. Перед смертью я хотел бы повидаться с белокурой Изольдой. Но как, какой хитростью дать ей знать, в какой я нужде? Ах, если бы я нашел посланца, который согласился бы отправиться к ней, она бы приехала – так сильно она меня любит. Каэрдин, дорогой товарищ, прошу тебя во имя нашей дружбы, твоего благородной сердца, нашего товарищества: попытайся ради меня, и если ты отвезешь мое послание, я стану твоим вассалом и буду любить тебя более всех людей.

Видит Каэрдин, что Тристан плачет, опечален, жалуется, сердце его смягчилось состраданием, и он отвечал тихо, ласково:

– Дорогой мой товарищ, не плачь, я исполню твое жела-

ние. Разумеется, друг мой, из любви к тебе я готов подвергнуться смертельной опасности. Никакая беда, никакое опасение не помешают мне сделать все, что в моей власти. Скажи, что ты желаешь ей передать, и я снаряжусь к отъезду.

Тристан отвечал:

– Друг, благодарю тебя! Выслушай, в чем моя просьба. Возьми этот перстень: это условный знак между нами. И когда ты прибудешь в ее страну, постарайся, чтобы при дворе тебя приняли за купца. Покажи ей шелковые ткани и устрой так, чтобы она увидела этот перстень; тотчас же она найдет уловку, чтобы переговорить с тобой наедине. Скажи ей тогда, что сердце мое шлет ей привет, что она одна может принести мне облегчение; скажи ей, что если она не придет, я умру. Пусть вспомнит о наших былых утехах, о великих горестях, о великих печалях и радостях, о сладости нашей верной и нежной любви; пусть вспомнит о любовном зелье, выпитом вместе на море. О, это смерть свою мы там испили! Пусть вспомнит мой обет – никого, кроме нее, никого не любить. Я сдержал свое слово.

За стеной белорукая Изольда услышала эти речи и едва не лишилась чувств.

– Торопись, друг мой, и возвращайся ко мне скорее; если ты замешкаешься, ты меня больше не увидишь. Назначь себе срок в сорок дней и привези с собой белокурую Изольду. Скрой от сестры свой отъезд или скажи ей, что едешь за лекарем; отправься на моем судне, да возьми с собой два пару-

са: один белый, другой черный. Если ты привезешь ко мне королеву Изольду, натяни на обратном пути белый парус, а если не привезешь, плыви с черным. Друг мой, мне нечего тебе более сказать; да направит тебя Господь и возвратит сюда благополучно!

Он вздохнул, заплакал, принялся стонать. Каэрдин тоже заплакал, поцеловал Тристана и простился с ним.

При первом же ветре он вышел в море. Моряки подняли якоря, поставили парус, поплыли при легком ветерке, и нос судна стал рассекать высокие и глубокие волны. Они везли с собой богатые товары, шелковые ткани, выкрашенные в редкие цвета, дорогую посуду из Тура, вина из Пуату, кречетов из Испании; благодаря этой хитрости Каэрдин надеялся проникнуть к Изольде. Восемь дней и восемь ночей рассекали они волны, плывя на всех парусах к Корнуэльсу.

Опасен женский гнев, каждый должен его остерегаться! Чем сильнее женщина любила, тем ужаснее она мстит. Быстро рождается любовь женщины, быстро рождается и ее ненависть, и, раз загоревшись, неприязнь держится упорнее дружбы. Женщины умеют умерять свою любовь, но не ненависть.

Припав к стене, белорукая Изольда слышала каждое слово. Она так любила Тристана! И вот, наконец, она узнала про его любовь к другой... Она удержала в памяти все слышанное. Если когда-либо ей это удастся, как отомстит она тому, кого любила больше всего на свете! Однако она не показав

ла виду. Лишь только отворили дверь, она вошла в комнату Тристана; скрыв свой гаев, она принялась снова за ним ухаживать, была ласкова, прислуживала ему, как подобает любящей женщине. Она тихо говорила с ним, целовала его в губы и спрашивала, скоро ли вернется Каэрдин с лекарем, который должен был излечить его... А на самом деле она искала случая, как бы отомстить.

Каэрдин плыл без остановок, пока не бросил якорь в гавани Тинтагеля. Взяв на руку ястреба, ткань редкого цвета, кубок чудной чеканной работы, он поднес все это королю Марку и вежливо попросил его покровительства и мира, дабы ему можно было торговать в Тинтагеле без боязни ущерба от баронов и виконтов. И король обещал ему это перед всеми придворными. Тогда Каэрдин предложил королеве застёжку в золотой оправе.

– Государыня, – сказал он, – это доброе золото, – и, сняв с пальца перстень Тристана, он приложил его к застёжке: – Бот, смотрите, королева, золото этой застёжки дороже, хотя золото этого перстня также имеет немалую цену.

Когда Изольда узнала перстень из зеленой яшмы, сердце ее задрожало, цвет лица изменился, и, предчувствуя то, что она услышит, она отвела Каэрдина в сторону, к окну, будто затем, чтобы лучше рассмотреть и приторговать перстень. Каэрдин быстро сказал ей:

– Королева, Тристан ранен отравленным копьём и должен умереть. Он велел сказать вам, что вы одна можете ему при-

нести облегчение. Он напоминает вам великие горести и печали, пережитые вами вместе. Оставьте у себя этот перстень, он дарит его вам.

Изольда ответила, обомлев:

– Друг, я последую за тобой. Завтра поутру пусть корабль твой будет готов к отплытию.

На другой день поутру королева сказала, что хочет поехать на соколиную охоту, и велела держать наготове собак и птиц. Но герцог Андрет, который все время за ней следил, пошел вместе с ней. Когда они оказались в поле, недалеко от морского берега, поднялся фазан. Андрет напустил на него сокола. День был светлый, ясный, и сокол взвился и исчез.

– Смотрите, сеньор Андрет, сокол уселся там, в гавани, на мачте незнакомого мне судна. Чье оно?

– Королева, – ответил он, – это судно купца из Бретани, который вчера подарил вам золотую застежку. Пойдем туда, возьмем нашего сокола.

Каэрдин бросил доску, как сходни, со своего судна на берег и вышел навстречу королеве.

– Не пожелаете ли вы, государыня, войти на мое судно? Я покажу вам мои богатые товары.

– Охотно, сеньор, – сказала королева.

Она сошла с коня, направилась к доске, прошла по ней и вступила на судно. Андрет хотел за ней последовать и вступил на доску, но Каэрдин, стоявший на палубе, ударил его веслом – Андрет зашатался и упал в море. Он хотел вылезти

из воды, но Каэрдин новым ударом весла свалил его, крикнув:

– Умри, предатель! Вот тебе расплата за все то зло, которое причинил ты Тристану и королеве Изольде!

Так Господь отомстил за любящих предателям, которые так их ненавидели. Все четверо погибли – Генелон, Гондоин, Деноален, Андрет.

Подняли якорь, поставили мачту, натянули парус. Свежий утренний ветер зашелестел в вантах и надул паруса. Из гавани в открытое море, совершенно белое и вдали залитое лучами солнца, устремилось судно.

В Карэ Тристан хирел. Он страстно желал приезда Изольды. Ничто его не радовало, и если он был еще жив, то потому, что ждал. Каждый день посылал он дозорщика на берег – посмотреть, не возвращается ли судно и какого цвета парус его; никакого другого желания не было у него на сердце. Вскоре он велел перенести себя на скалу Пенмарх и, пока солнце стояло над горизонтом, глядел в даль моря.

Послушайте, добрые люди, печальную повесть, жалостную для всех, кто любит. Изольда уже приближалась, вдали уже показалась скала Пенмарх, и судно плыло быстрее. Вдруг налетела буря, ветер крепко надул паруса, и корабль завертелся. Моряки выбежали на наветренную сторону палубы, но тут ветер ударил им в спину. Ветер бушует, вздымаются высокие волны, воздух сгустился в мрак, море почернело, дождь налетает шквалами. Ванты и булины лопнули,

моряки спустили парус и носятся по воле волн и ветра. На свою беду, они забыли втащить на палубу лодку, привязанную к корме за судном, волна разбила ее и унесла.

– Горе мне, несчастной! – воскликнула Изольда. – Не дал мне Господь дожить до того, чтобы увидеть Тристана, моего милого, один бы раз, один бы только раз. Он хочет, чтобы я утонула в этом море. Еще бы раз побеседовать с тобою, Тристан, и мне легко было бы умереть! Если я не явлюсь к тебе, дорогой, значит, Бог этого не желает, и в этом мое большое горе. Смерть мне нипочем: если Богу угодно это, я приму ее; но, дорогой мой, когда ты об этом узнаешь, ты умрешь, я в этом уверена. Такова наша любовь, что ни ты без меня, ни я без тебя не можем умереть. Я вижу перед собой твою смерть и в то же время свою. Увы, друг мой, не сбылось мое желание – умереть в твоих объятиях, быть погребенной в твоём гробу, не суждено это было нам с тобою. Я умру одна, без тебя, исчезну в море. Может быть, ты не узнаешь о моей смерти и будешь еще жить, поджидая моего приезда. Если Богу будет угодно, ты даже исцелишься; может быть, после меня полюбишь другую женщину, полюбишь белорукую Изольду. Не знаю, что станет с тобой; что до меня, дорогой, то если бы я узнала, что ты умер, я не могла бы жить больше. Пусть же Господь позволит мне исцелить тебя или нам вместе умереть одной мукой!

Так стонала королева, пока длилась буря. Через пять дней она утихла. На самой вышке мачты Каэрдин весело натянул

белый парус, чтобы Тристан издали мог различить цвет. Уже Каэрдин видит Бретань. Но, увы, вслед за бурей почти сразу наступило затишье. Море расстилось спокойное, гладкое, ветер не надувал парусов, и моряки тщетно лавировали вправо и влево, назад и вперед. Вдали виднелся берег, но ветер унес их лодку, и они не могли пристать. На третью ночь Изольде приснилось, будто она держит на коленях голову большого кабана, которая пятнает кровью ее платье, и она поняла, что уже не увидит своего милого живым.

Тристан был слишком слаб, чтобы оставаться на Пенмархской скале, и уже много дней лежал он в комнате, вдали от берега, плача по Шельде, которая все не являлась. Печальный и измученный, он жалуется, вздыхает, мечется на своем ложе: вот-вот, кажется, он умрет от желания.

Наконец ветер окреп, и показался белый парус. Тогда-то белорукая Изольда и отомстила.

Она подошла к ложу Тристана и сказала ему:

– Друг, Каэрдин возвращается: я видела его судно на море. Оно подвигается с большим трудом. Однако я его узнала. Лишь бы только принесло оно то, что может тебя исцелить!

Тристан затрепетал.

– А уверена ли ты, моя дорогая, что это его судно? Скажи же, какой на нем парус.

– Я его хорошо рассмотрела: они его совсем распустили и поставили очень высоко, потому что ветер слабый. Знай же, что он совсем черный.

Тристан повернулся к стене и сказал:

– Я не могу больше удерживать свою жизнь.

Трижды произнес он: «Изоolda, дорогая!» На четвертый раз он испустил дух.

Тогда в доме заплакали рыцари, сотоварищи Тристана. Они сняли его с ложа, положили на богатый ковер и завернули тело в саван.

На море поднялся ветер, ударивший в самую середину паруса. Белокурая Изоolda сошла на берег. Она услышала, как на улицах все шумно рыдают, а в церквах и часовнях звонят в колокола. Она спросила у местных жителей, по ком этот зауспокойный звон, по ком этот плач. Один старик ответил ей:

– У нас великое горе, госпожа. Благородный, смелый Тристан скончался. Он был щедр со всеми неимущими, помогал всем страждущим. Это худшее несчастье, какое когда-либо постигало нашу страну.

Слышит это Изоolda, не может вымолвить ни слова. Поднимается она к замку, проходит по улице в растрепавшемся чепце. Бретонцы дивятся, глядя на нее: никогда не видели они женщины подобной красоты. Кто она такая, откуда она?

Около Тристана белокурая Изоolda, растерявшись от зла, которое она совершила, испускала над трупом громкие вопли. Другая Изоolda вошла и сказала ей:

– Встань, дай мне к нему подойти, у меня больше прав его оплакивать, чем у тебя, поверь мне. Я сильнее его любила.

Она повернулась лицом к востоку и помолилась Богу. Потом, слегка приоткрыв тело, легла рядом с ним, со своим милым, поцеловала его в уста и в лоб и нежно прижалась к нему – тело с телом, уста с устами. Так отдала она душу, умерла подле него с горя по своему милу.

Когда король Марк узнал о смерти любящих, он переправился за море и, прибыв в Бретань, велел сделать два гроба: один из халцедона – для Изольды, другой из берилла – для Тристана. Он отвез в Тинтагель на своем корабле дорогие ему тела и похоронил их в двух могилах около одной часовни, справа и слева от ее абсиды. Ночью из могилы Тристана вырос терновник, покрытый зеленой листвой, с крепкими ветками и благоуханными цветами, который, перекинувшись через часовню, ушел в могилу Изольды. Местные жители срезали терновник, но на другой день он возродился, такой же зеленый, цветущий и живучий, и снова углубился в ложе белокурой Изольды. Трижды хотели его уничтожить, но тщетно. Наконец, сообщили об этом чуде королю Марку, и тот запретил срезать терновник.

Добрые люди, славные труверы былых времен Беруль и Томас, и Эйльгарт, и мейстер Готфрид ¹⁴ сказывали эту повесть для всех тех, кто любил, не для других. Они шлют через меня вам привет, всем тем, кто томится и счастлив, кто

¹⁴ Беруль – автор романа о Тристане (конец XII века). Томас норманский трувер, создавший роман о Тристане в 1170 г.; Эйльгарт фон Оберг и Готфрид Страсбургский – немецкие поэты конца XII– начала XIII в.

обижен любовью и кто жаждет ее, кто радостен и кто тоскует, всем любящим. Пусть найдут они здесь утешение в непостоянстве и несправедливости, в досадах и невзгодах, во всех страданиях любви.